

**Proceedings of the
XVII International Scientific and
Practical Conference**

**Social and Economic Aspects
of Education in Modern
Society**

**Vol.1, September 25, 2019,
Warsaw, Poland**

Copies may be made only from legally acquired originals.
A single copy of one article per issue may be downloaded for personal use
(non-commercial research or private study). Downloading or printing multiple
copies is not permitted. Electronic Storage or Usage Permission of the
Publisher is required to store or use electronically any material contained in
this work, including any chapter or part of a chapter. Permission of the
Publisher is required for all other derivative works, including compilations and
translations. Except as outlined above, no part of this work may be
reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any
means without prior written permission of the Publisher.

ISBN 978-83-955313-0-9

© RS Global Sp. z O.O.;
© The Authors

**RS Global Sp. z O.O.
Warsaw, Poland
2019**

Founder:
RS Global Sp. z O.O.,

Research and Scientific
Group
Warsaw, Poland

**Publisher Office's
address:**

Dolna 17, lok. A_02
Warsaw, Poland,
00-773

E-mail:
rsglobal.poland@gmail.com

The authors are fully
responsible for the facts
mentioned in the articles.
The opinions of the authors
may not always coincide
with the editorial boards
point of view and impose
no obligations on it.

CONTENTS

ECONOMY

<i>Zaharco S. V.</i> THE ANALYSIS OF THE DIMENSION AND DYNAMICS OF PUBLIC EXPENDITURES ON AGRICULTURE DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA.....	3
<i>Zokirjonov M. R.</i> ORGANIZATIONAL FEATURES OF FINANCIAL RISK MANAGEMENT AT ENTERPRISES.....	9
<i>Ирматова А. Б.</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО ТРУДА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	14
<i>Лойко Валерія Вікторівна, Поздєєва Катерина Вікторівна</i> СУЧАСНІ ПРОБЛЕМИ ТА НАПРЯМИ УДОСКОНАЛЕННЯ СИСТЕМИ ФІНАНСУВАННЯ ШКІЛЬНОЇ ОСВІТИ.....	17
<i>Юэ Тайшань</i> ФАКТОРЫ РОСТА СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ КИТАЯ.....	23
<i>Анвар Аиджонович Худояров</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ПАЛОМНИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В УЗБЕКИСТАНЕ.....	26

LEGAL AND POLITICAL SCIENCE

<i>Huang Kunpeng</i> THE HISTORY OF COOPERATION BETWEEN CHINA AND WHO.....	29
<i>Vepkhvia Grigalashvili</i> UNDERSTANDING OF HYBRID WARFARE PHENOMENON THEORY AND POLICY.....	31
<i>Иваничева Ляна Сергеевна</i> ДИРЕКТИВА «ПАКЕТНЫЙ ТУР» КАК ИСТОЧНИК ПО РАЗВИТИЮ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ.....	35
<i>Юэ Тайшань</i> ЭВОЛЮЦИЯ ДИПЛОМАТИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ С РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ.....	38

HISTORY

<i>Asrorova Lobar</i> FROM THE HISTORY OF SAMARKAND PAPER.....	42
<i>Хань Юй</i> РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИЗУЧЕНИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КНР СО СТРАНАМИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА.....	45

THE ANALYSIS OF THE DIMENSION AND DYNAMICS OF PUBLIC EXPENDITURES ON AGRICULTURE DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Zaharco S. V., The State Agrarian University of Moldova, Associate Professor, the Department of General economy, PhD of Economic Sciences

Abstract. *The objective of the paper is to analyze the size and dynamics of public spending in the agricultural sector, as well as the contribution of agriculture to the economic growth of the Republic of Moldova. Expenditures on agriculture are an important tool for promoting economic growth and poverty reduction in the agricultural sector as well as in the economy as a whole. Public spending on agriculture has a strong positive impact especially on the rural population. Due to the fact that agriculture is the most important real sector of the economy of the Republic of Moldova, the development of the agricultural sector is essential for a stable and accelerated growth of the economy. If we compare agricultural expenditures across the country, we can see that such investments in public goods as: research and development, rural infrastructure, consulting and education services, together with the creation of an institutional and favorable policy environment, are the most important drivers of the economic growth.*

Keywords: *Agriculture, budgetary allocations, state budget, public spending, economic growth, agricultural sector.*

Introduction. Agriculture plays an important role in the economy of the Republic of Moldova due to its size. Thus, in 2018 36.1% of the employed population was involved in the agricultural sector, and the contribution to the formation of GDP was 10.2%. The respective indicators, although they have been constantly decreasing over the last few years, highlight that the performance of this sector depends not only on the well-being of a significant share of the population, but also on the dynamics of the national economy [2].

Due to its importance, agriculture remains a priority branch for financial granted by the state. The financing of this sector has increased in recent years, with the emphasis being on the allocation of subsidies and the adjustment to European Union quality standards. The need to reform agriculture is caused, in addition to the traditional factors of productivity improvement, by integration in the Free Trade Area with the EU based on the EU-Moldova Association Agreement [4].

The increase in the volume of public allocations to agriculture must be accompanied by their more efficient use. The quality and sustainability of economic growth depends to a large extent on the efficiency of allocating and using the limited financial resources from the budget. However, efficient use of public finances cannot be achieved without a reliable framework for planning and executing the State Budget. For these reasons, it is important to ensure an institutional and normative framework of fiscal management, capable of ensuring economic development without jeopardizing the sustainability of public finances [3].

Public expenditures management is an essential instrument of the government policy. Of course, public expenditures management has specific dimensions for each country and the real economic, social, administrative capacity of implementation must be taken into consideration for each country. The state budget of the Republic of Moldova is affected by the economic crisis, the reduction of foreign assistance and the increase of needs in relation to the global fuel, food and labor crisis. However, research shows that well-targeted public investments can be self-sustaining, as they increase the production capacity of the economy and thus stimulate economic growth. With economic growth, revenues also increase, generating the tax base to support public investment spending [5].

Taking into account the above mentioned, this study aims to analyze the size and dynamics of public expenditures for the development of agriculture of the Republic of Moldova, examining the dynamics of these expenditures according to the functional classification, as well as their share in GDP formation.

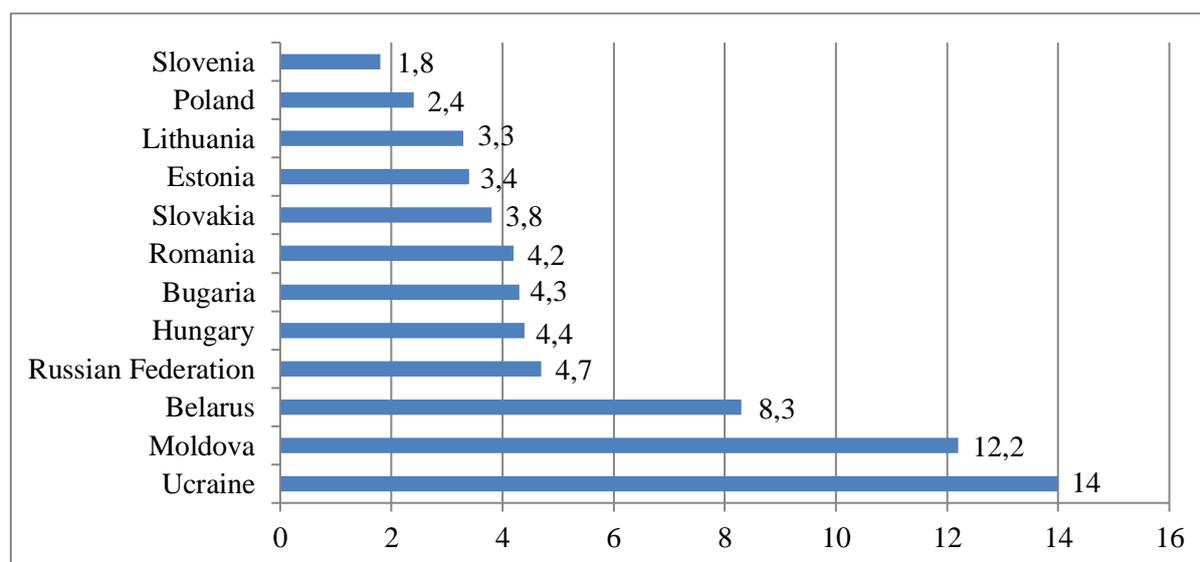
Research results. The public sector plays an essential role in creating beneficial conditions for the development of agriculture. Through the budget allocations, the state has the potential to

improve the precarious situation of the respective field. It is important to ensure the efficient use of public resources within a limited budget for the agricultural sector. Public spending must be geared towards the most essential priorities that require the support of the public sector and which have the greatest potential to produce a positive impact.

At present, in the Republic of Moldova the financing of the agricultural sector is carried out in an inappropriate strategic framework. And the mechanism for connecting the development strategy of the agricultural sector to the institutional structure and budgetary allocations of the Ministry of Agriculture, Regional Development and the Environment is not fully effective. The annual budget is drawn up first and foremost, as a result of political pressures and the structure of past expenditures, regardless of whether they correspond to the present priorities of the agricultural sector in the current economic environment. As a result, the structure and size of public spending have not undergone major changes over time, as they have not been substantially revised to suit the needs of agricultural producers [1].

The role of agriculture in the structural transformation of the economy of the Republic of Moldova is significant, although agriculture currently is having a declining share in the national economy. Consequently, the importance of agriculture in current growth strategies is underestimated. This undervaluation is due to the low prices of agricultural production on world markets, the apparent lack of innovative technological advances in agriculture and the increasing importance of trade.

Compared to other countries in the region, the share of the agricultural sector in the GDP of the Republic of Moldova is quite significant, constituting 12.2% in 2017. At the same time, the share of the agricultural sector in the countries of the region fluctuates around 2-8%, except for Ukraine where the share of agriculture in GDP reached the level of 14% during that period (Fig. 1).

*Fig. 1. The share of agriculture in GDP by region – 2017, %
Source: Elaborated by the author on the basis [8]*

The data reflected in Figure 1 reconfirm the hypothesis that, with the development of a country, the share of agriculture in GDP decreases, and vice versa. This fact usually leads to labor migration from agricultural to non-agricultural sectors. In order to maintain agriculture's vital role as food and raw material supplier, it is important to increase the productivity of agriculture per employee, which can result from increased investments in agriculture and the use of improved technologies.

The budgetary allocations for agriculture have had the tendency to reduce during the last 3 years. The evolution of the expenditures on the development of agriculture is highlighted in 2017, when the budgetary expenditures increased, reaching the share of 4.5% of the total budgetary expenditures. In the following period (2018-2019), the respective expenditures fell steadily to 3.7% in 2019 (Tab. 1).

Table 1. The structure of public expenditures according to the functional classification in the Republic of Moldova (%)

Categories of expenditures	2016	2017	2018	2019
State general services	9,2	9,1	9,3	9,7
Foreign affairs	1,2	1,3	1,1	1,0
Debt service	5,4	5,4	4,4	4,2
National defence	1,7	1,6	1,5	1,7
Public order	7,1	7,7	6,9	7,1
Justice	2,0	2,3	2,2	2,3
Penitentiaries	1,2	1,3	1,6	1,6
General economic services	1,2	1,3	1,8	1,4
Agriculture	4,0	4,5	4,4	3,7
Energetics	0,5	0,5	0,6	1,7
Mining, industry and construction	0,1	0,1	0,01	0,1
Transport	5,3	6,4	10,0	9,4
Communications	-	0,01	0,01	0,2
Tourism	0,03	0,05	0,05	0,04
Environment protection	0,5	0,4	0,4	0,5
Communal housing management	1,2	1,0	1,1	0,9
Health	10,0	9,7	9,4	9,0
Youth and sports	0,8	0,7	0,7	0,7
Culture	1,1	1,1	1,0	1,0
Education	25,6	25,4	24,0	23,5
Social protection	20,6	18,8	18,5	17,4
Science and innovation	1,3	1,3	1,1	1,1
Development and reform expenditures	-	-	-	1,8
TOTAL	100	100	100	100

Source: Elaborated by the author on the basis [6].

The value of public spending of 3.7-4.5% in agriculture is insufficient for sustainable development and significant results. Although the data show that in the last decade substantial investments have been made in this sector, in particular due to the funds offered by foreign donors, who have contributed to the sustainable development of the sector, they have not played a decisive role in reducing poverty. It can be explained by the inefficient allocation of financial resources. It is very important that the volume of financing of agriculture is associated with greater efficiency in the use of funds.

The government of the Republic of Moldova should invest more in the agrarian sector due to those many advantages it offers. Firstly, these are the favorable geographical position and features, there is the possibility of early cultivation of vegetables, which represents a significant competitive advantage for Moldova; secondly, Moldova has good resources for humus soils and water; thirdly, the Moldovan population has accumulated great experience and knowledge for growing fruits, vegetables and tobacco, as well as for viticulture and wine production, and the country's research institutions have

a solid knowledge and experience in agricultural sciences, which significantly contributes to the development of agriculture.

From a regional point of view, the Republic of Moldova allocates for agriculture more than its neighbors in Eastern Europe, exceeding the EU average by 9.8% (Tab. 2). We mention, however, that a higher volume of financing of agriculture does not automatically turn into a higher performance of this sector. As a rule, countries with higher financing of agriculture have a more dynamic sector, but there are also countries with low share of agricultural expenditure and with a competitive agricultural sector. Therefore, several factors, including structural ones, must be taken into account when determining the financing volume.

Table 2. The share of public expenditures in agriculture in gross domestic product (GDP) by region, %

Country	2008	2010	2013	2015	2016
Bulgaria	1,5	0,8	0,9	1,0	0,6
Estonia	0,7	0,6	0,7	0,5	0,4
Lithuania	1,2	1,2	0,9	1,0	0,7
Moldova	1,3	1,2	1,4	1,5	0,9
Poland	1,0	0,7	0,4	0,4	0,4
Romania	1,4	1,0	0,8	0,7	0,5
Slovakia	0,4	0,4	0,3	0,4	0,3
Slovenia	0,7	0,5	0,6	0,6	0,5
Hungary	0,7	0,5	0,4	0,6	0,5
European Union (28 countries)	0,4	0,3	0,3	0,2	0,2
Euro area (19 countries)	0,4	0,4	0,3	0,2	0,2

Source: Elaborated by the author on the basis [6] și [7].

Being one of the priority areas of economic development, agriculture needs the support of the state by allocating the financial means that would contribute to the amplification of the activity of the agricultural producers in particular and of the business environment in general. The main mechanisms to support the agricultural sector in the Republic of Moldova are subsidies. They are allocated from the National Fund for Agriculture and Rural Development, as well as from various programs such as: small and medium-sized business support programs (PARE 1 + 1) and business start-up programs for young entrepreneurs (START-UP).

The granting of subsidies represents an effective lever both for attracting investments in agriculture and for developing this sector. They aim at developing or rehabilitating certain sectors of agriculture, modernizing technologies, ecological reconstruction, stimulating exports and improving the competitiveness of agri-food products.

The amounts and purposes of agricultural subsidies have changed since 1998. Initially, small producers were offered substantial amounts to encourage them to develop agricultural activities outside the former large agricultural enterprises. Since 2002, a significant part of them has been directed towards providing incentives to agricultural producers who took loans from credit institutions, including commercial banks. And since 2004, the importance of interest-free loans for procuring the necessary equipment for agricultural households and subsidies for planting vineyards has been increasing.

In recent years, and namely, starting with 2010, the Ministry of Agriculture, Regional Development and the Environment of the Republic of Moldova, through the Agency for Intervention and Payments for Agriculture (AIPA), has proposed to support the promotion and development of agricultural policy by increasing financial allocations and granting subsidies to agricultural producers.

According to the provisions of the Law of the state budget for the year 2019, the National Fund for the development of agriculture and rural environment constitutes 900 million lei [9]. The analysis of the subsidies granted in the Republic of Moldova during 2010-2019 shows that their level is constantly increasing. Thus, if in 2010 the subsidies amounted to 400 million lei, then in 2017-2019 they increased to 900 million lei, i.e. 2.25 times (Fig. 2).

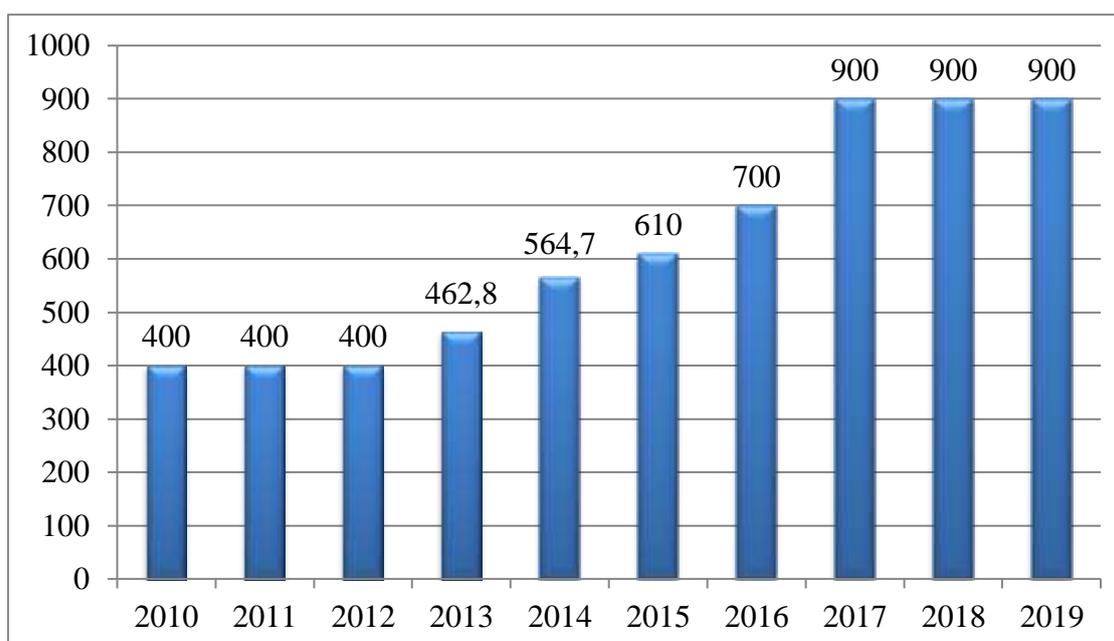

Fig. 2. The evolution of the subsidy fund for agricultural producers in the Republic of Moldova, mil. Lei
 Source: Analytical report on the management of the financial means allocated to the national development fund of agriculture and rural environment (2018)

Both economic entities and natural persons carrying on their businesses as entrepreneurs under the conditions of national law received subsidies as the result of the financial support granted by the state, through the mechanism of subsidization. As a result of the requested subsidies, it was possible to attract investments in the agri-food sector of over 6.0 billion lei which was 15% more than the investments made by agricultural producers in 2017 (5.2 billion lei). The made investments created 4,635 new jobs, of which 2,946 were occupied by men and 1,689 by women [10].

The transparency of the use of public allocations in the agricultural sector is quite low, therefore the data presented in the paper do not reflect the full information regarding their use. The published activity reports contain superficial information that does not allow a detailed and relevant analysis of the public expenditures oriented towards the development of the agricultural sector. At the same time, the frequent changes in the budget for the agricultural sector disrupt the functioning of the sector. Public spending needs to be stabilized and strategically planned. They should also be streamlined in order to avoid wasteful subsidies and to increase the volume of investments that improve agricultural infrastructure. It is also necessary to increase the expenditure for agriculture in order to grow its importance for the economy and to match the volume of public funding with the practice of the European Union. However, justifying the demand for increasing public allowances requires an awareness of the links between agricultural spending, economic growth and poverty reduction.

Conclusions. In recent years, the public spending framework in the Republic of Moldova has registered several positive developments. These developments had both quantitative and qualitative aspects. Although the Republic of Moldova has rebuilt its macroeconomic reserves, there continue to be major policy challenges in relation to the governance framework, particularly in the financial sector, the efficiency of public spending and the mobilization of revenues.

The volume and structure of the budget allocations to support the agricultural sector are extremely important for the sustainable development of this sector. Although the budgetary allocations for agriculture have increased significantly in the last decade, they have not contributed to the sustainable growth of the given sector and to the poverty reduction.

It is certain that the performance of the agricultural sector largely depends on the volume of financing, but the efficiency of the use of agricultural funds also plays an essential role. In the field of agriculture, resources are allocated mainly for the specific subsidization of some products, this fact results in a short-term effect and does not contribute to the essential development of the sector. There is a need to redirect expenditures towards activities related to increasing productivity and competitiveness, as well as to creating the infrastructure that would facilitate the commercialization of production.

REFERENCES

1. Dragomir L., Darii I. (2016). Ensuring the sustainability of the budget planning process in the Republic of Moldova. *Journal of Public Administration*, 81-88.
2. Moldova in figures (2019). Statistical summary. Chisinau: National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova. p. 119.
3. Morcofilo I. (2015). Evaluation of public expenditure in the Republic of Moldova. Chisinau: Expert-Grup, p. 18.
4. Morcofilo I. (2015). Analysis of budgetary expenditure in agriculture. Chisinau: Expert-Grup, p. 22.
5. Tillier S., Muravschi A., Otel N., Corobceanu S. (2005). Moldova: Notes on agricultural policy. Public expenditure for the development of agriculture. p. 74.
6. The medium-term budgetary framework of the Republic of Moldova (2019). Available: <https://mf.gov.md/en/buget/cadrul-bugetar-pe-termen-medi>
7. Government expenditure by functional classification - COFOG (2018). Available: http://www.mf.gov.si/fileadmin/mf.gov.si/pageuploads/tekgib/2018-3-19-Government_expenditure_by_functional_classification_COFOG_comparison_SLO-EU_2008-2016_.pdf
8. List of Countries by GDP Sector Composition (2018). Available: <http://statisticstimes.com/economy/countries-by-gdp-sector-composition.php>
9. Law on the state budget of the Republic of Moldova (2019). Available: <http://lex.justice.md/md/378600/>
10. Analytical report on the management of the financial means allocated to the national development fund of agriculture and rural environment (2018). Available: <http://madrm.gov.md/sites/default/files/RAPORT%20ANALITIC%202018.pdf>

ORGANIZATIONAL FEATURES OF FINANCIAL RISK MANAGEMENT AT ENTERPRISES

Zokirjonov M. R.,

Republic of Uzbekistan, Tashkent city,

PhD student of the Banking and Finance Academy of the Republic of Uzbekistan

Abstract. *This article considers the financial risks faced by enterprises. The relevance of financial risk management in enterprises is substantiated. It also outlines the methods, process and organizational features of effective financial risk management in enterprises. In particular, various categories of financial risks, a mechanism for managing financial risks, basic elements of a financial risk management system, risk ranking using a combination of qualitative and quantitative risk assessment methods, a probability/consequence matrix, risk response strategies and risk mitigation tools are analyzed.*

Keywords: *risk, response, risk management, effective management, financial risks of an organization, verification process, positive effect, negative consequence of risk, credit risk.*

Since the early 1990s, financial risk management has been considered as one of the main agenda items for corporations, and despite this many firms are still far from effective financial risk management. An example is the recent experience of companies and many of the world's leading financial institutions that have suffered large losses in the aftermath of the global financial crisis. This indicates that many firms, including many financial institutions, leave much to be desired in studying methods of effective financial risk management.

Companies face various types of risks in their activities. These include risks associated with the business environment, laws and regulations, business performance, the level of reputation of the organization, and financial risks. Financial risks are associated with the financial activities of a business – in fact, it is a risk of financial losses (and in some cases financial gains) – and take many different forms. Financial risks include currency risks, interest rate risks, credit risks, liquidity risks, cash flow risks and risks associated with financing. The importance of these risks varies from one organization to another.

Financial risk management has suffered many trials over the past decades and as a result, it has become clear that risk management is fundamental to effective corporate governance. During this time, company managers recognized the potential of effective risk management to increase the value of the company.

Although risk management is primarily concerned with managing the negative effects of risk, it is also important to understand that risk has a positive effect. This positive effect assumes, under conditions of uncertainty, the use of opportunities, such as generating income from new markets or new production lines. Risk management, therefore, deals with both consistency – the control of negative risks that may affect the achievement of strategic goals – and with performance – the ability to increase the overall profitability of a business (Collier, Berry and Burke (2007)).

Financial risks create the possibility of losses arising from failure to achieve financial goals. Risk reflects uncertainty about exchange rates, interest rates, commodity prices, stock prices, credit quality, liquidity, and the organization's access to financing. These financial risks are not necessarily independent of each other. For example, exchange rates and interest rates are closely related, and such interdependencies must be taken into account by managers when developing a financial risk management system.

Financial risks can be divided into different categories. Figure 1 below shows the classification in three categories (Woods, Dowd (2008)).

Fig. 1. Categories of financial risk

Market risks are financial risks that arise from potential losses from future changes in market prices or interest rates. Changes in prices are associated with interest rates or changes in foreign exchange rates, but also depend on the price of commodities, which are vital for business.

Credit risks are financial risks associated with the likelihood of counterparty default. Credit risk arises, as a rule, when the buyer is not able to pay for the goods supplied on credit. Credit risk increases significantly when the firm is largely dependent on a small number of large customers, who use a significant amount of credit provided.

Risks of financing, liquidity and cash flow. The risks of financing are related to the continuity of the financial support of the firm. For example, when firm gets a loan from its customer bank. Liquidity risk is associated with the ability of the company to develop its activities for a small fee or for free, and with the availability of sufficient funds to cover financial liabilities at maturity. Cash flow risk is related to the volatility of the firm’s cash flow.

Fig. 2. Risk Management Action Cycle (CIMA (2002))

The financial risk management mechanism can be illustrated using the successive cycle of actions shown in Figure 2. The risk management cycle shows that risk management forms a closed management system that begins with risk identification based on organizational goals then moving through a series of stages is completed with a reassessment of exposure to risk after the implementation of control.

Consequently, the main elements of the financial risk management system are:

- risk identification and assessment;
- development of risk response;
- implementation of risk management strategies and associated control mechanisms;
- risk exposure check (through internal reports) and cycle repetition.

The first stage is to identify the risks to which the organization is exposed. The identification of risk must be systematic and rely on the main activities of the organization and the risks associated with them. Identification of risk can be carried out using a survey, questionnaire, interviews or a number of other methods, such as the study of accidents, audits, analysis of the root causes. The goal is to use the experience of the staff to identify all possible financial risks to which the organization may be exposed.

The scale of each identified risk is assessed using a combination of qualitative and quantitative methods. After that, the risks are arranged in accordance with the priority, that is, risks are ranked according to common organizational goals. For this, the method of constructing a map of assessed risks is used, that is, a likelihood / consequence matrix, as shown in Figure 3 (Collier, Agyei-Ampomah (2007)).

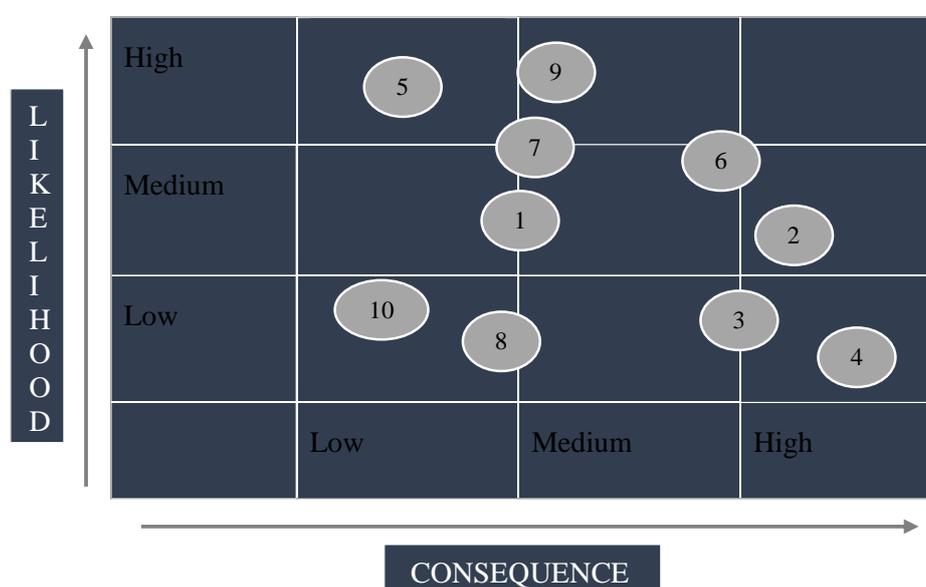

Fig. 3. Likelihood/consequence matrix

The numbers refer to each identified risk and consequence of risk, which can be expressed either financially or non-financially. Private sector enterprises can express the consequences through the value of projected income and cash flow. Public sector organizations measure the consequences in terms of their ability to provide services at the required level.

The next stage of financial risk management is a response to risks. At this stage, the company must respond to the risks that it has already identified. In other words, this is a policy setting that determines the organization’s response to a particular risk. The policy establishes a risk management process, assigning responsibility for handling risks, setting out key performance indicators that would allow top management to monitor risk, and includes action plans that will be implemented in cases where the predicted event actually occurs. At the same time, the company must take into account the costs and potential income from an alternative response, as well as take into account that any response indicates the company's propensity to take risks and its ability to achieve its strategic goals (Crouhy, Galai and Mark (2006)).

Responses are divided into three categories, as shown in Figure 4. Internal strategies imply the willingness to take on risk and manage it internally in the framework of normal economic activity. An example would be the decision to use the client’s currency to price all exports, as well as using internal netting processes to manage currency risk.

Risk sharing strategies are associated with strategies that mitigate or share risks among external participants. An example would be a forward contract that “fixes” a certain level of price and rate in the future. This prevents losses from unfavorable exchange rate changes, and blocks the buyer within a fixed future exchange rate.

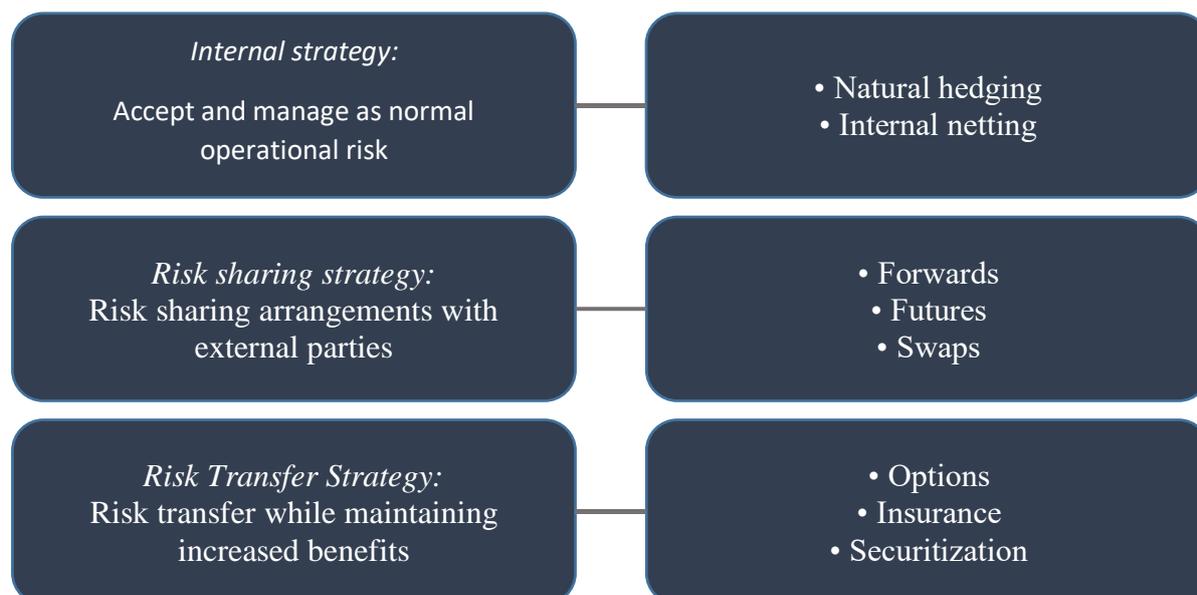

Fig. 4. Strategies and tools for risk reduction

Transfer of risk involves the payment of a third party to cover the negative effects of risk, while retaining the opportunity to take advantage of the positive effects of risk. For example, an option creates the ability to exchange currency at a pre-agreed exchange rate, known as the strike price. If the subsequent rate change proves favorable, the owner will exercise the option, but if the rate change is unfavorable, the owner will allow him to burn out. Thus, the option protects the holder from negative risk while maintaining the potential benefits of positive risk. We note, by the way, that the greater flexibility of risk transfer instruments, as a rule, is accompanied by high costs.

The next stage of financial risk management, after selecting a risk response strategy, is to implement it and monitor the effectiveness of compliance with established goals. Implementation includes the distribution of management responsibility for each individual risk and, based on it, the creation of a risk-competence culture, within which financial risk management is incorporated into the organizational activity process.

The financial risk management cycle ends when the effectiveness of risk control is assessed through the results of the reporting and verification process. This then leads to a new process of identification and risk assessment. By itself, this process consists of three main components (Зокіржонов (2016)):

1) Verification process. The process should include: regular verification of risk predictions, review of management of responses to significant risks, review of an organization's risk management strategy, and the establishment of an early warning system to indicate significant changes in risks faced by organizations.

2) Internal reporting for the board of directors or senior management. This could include: an overview of the organization's overall financial risk management strategy, reviews of the processes used to identify and respond to risks, and the methods used to manage them.

3) External reporting. External stakeholders should be informed about the organization's financial risk management strategy, and get some idea of how well it is implemented.

All enterprises face financial risks, but achieving their goals depends on how well the company manages these risks. To do this, it is necessary to establish rules that facilitate the identification and assessment of the main types of financial risks, and then apply the tools and techniques to manage these risks. The importance of financial risk management is due to the large losses associated with the recent crisis, which emphasizes the fact that companies are far from adequately managing financial risks. Although financial risk management is costly, it is much cheaper than a different development scenario.

REFERENCES

1. Chartered Institute of Management Accountants. (2002). Risk Management: A Guide to Good Practice, London: CIMA Publishing.
2. Collier, P. M., and S. Agyei-Ampomah. (2007). Management Accounting – Risk and Control Strategy. Oxford/Elsevier: CIMA Publishing.
3. Collier P. M., Berry A. J., Burke G. T. (2007). Risk and management accounting: best practice guidelines for enterprise-wide internal control procedures, London: Aston Business School Vol. 2, No. 11 ISSN 1744 - 7038 (online).
4. Crouhy, M., D. Galai, and R. Mark. (2006). The Essentials of Risk Management: The Definitive Guide to the Non-Risk Professional. New York: McGraw-Hill.
5. Woods M., Dowd K. (2008). Financial Risk Management for Management Accountants. Published by The Society of Management Accountants of Canada (CMA Canada), the American Institute of Certified Public Accountants, Inc. (AICPA) and The Chartered Institute of Management Accountants (CIMA) – p. 30.
6. Зокиржонов М. Р. (2016). Организационные особенности управления финансовыми рисками на предприятиях // Молодой ученый. — №8. – С. 543-546.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО ТРУДА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

К.э.н. *Ирматова А. Б.*,

Узбекистан, Ташкент, Ташкентский государственный экономический университет

Abstract. *An innovative economy is characterized by a high intellectual capacity of labor. At the present stage of development in the field of the female labor market, serious problems are observed, among which are inefficient employment and increasing structural unemployment, low qualifications and education, and poor competitiveness of women.*

In modern conditions, the structure of employment and education of women is becoming one of the most important aspects of research in connection with the development of its intellectual capabilities. For the full and effective use of female labor potential, to ensure productive, rational and highly profitable female employment and reduce unemployment, the intellectualization of female labor is necessary.

Keywords: *innovative economy, intellectual labor, female labor market, innovative employment, women qualifications*

Введение. В настоящее время активно ведутся реформы во всех сферах деятельности, происходит переход на новый стратегический этап развития. Цель новой стратегии – интенсивное развитие всех секторов экономики, формирование инновационной экономики, повышение качества жизни населения.

В связи с этим 18 сентября 2018 года Президентом Республики Узбекистан был подписан Указ “Об утверждении Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019 – 2021 годы”. Согласно указу важным условием динамичного развития Республики Узбекистан является ускоренное внедрение современных инновационных технологий в отрасли экономики, социальную и иные сферы с широким применением достижений науки и техники¹.

Инновационная экономика характеризуется высокой интеллектуально-ёмкостью труда, ей присущ инновационный тип занятости. Он предполагает постоянное обновление содержания труда, структуру, виды и формы занятости, высокую территориальную, профессиональную и квалификационную мобильность, высокую долю умственной компоненты трудовых ресурсов, реализацию их интеллектуального и творческого потенциала.

Результаты исследования. На современном этапе развития в сфере женского рынка труда наблюдаются серьезные проблемы, среди которых - неэффективная занятость и нарастающая структурная безработица, низкая квалификация и образованность, слабая конкурентоспособность женщин. В связи с этим уровень занятости женщин и использование их труда, как в городе, так и в сельской местности, является не эффективным.

Выделение женщин в качестве особого объекта для анализа их занятости определяется, прежде всего, значительной их доли в составе трудовых ресурсов и рядом проблем, присущих этой категории населения. Низкий уровень занятости женщин, в особенности на селе, не информированность их о льготах и преференциях, предоставленных государством, низкий уровень образования, экономической активности, объективные и субъективные условия влияют на трудовые установки, уровень притязаний и, в конечном счете, на формы трудового поведения женщин. Кроме того, вследствие инновационно-структурных изменений, интеллектуализацией и информатизацией труда, возникла необходимость в повышении образования и квалификации женщин на государственном уровне для обеспечения эффективной занятости женщин и реализации их интересов в социально-трудовой сфере.

Согласно исследованиям, на структуру занятости, количество и качество рабочих мест для женщин существенное влияние оказывает экономическая развитость страны. В странах со средним уровнем дохода более трети женщин заняты в оптовой и розничной торговле (33,9%) и обрабатывающей промышленности (12,4%). В странах с высоким уровнем дохода основным

¹ Ш. Мирзиёев Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019 — 2021 годы». 18.09.2018. <http://www.lex.uz>.

работодателем женщин является сектор здравоохранения и образования, в котором трудится почти треть всех работающих женщин (30,6%). В странах с низким уровнем дохода и доходом ниже среднего важнейшим источником занятости женщин остается сельское хозяйство. В Южной Азии и африканских странах более 60% всех работающих женщин остаются в сельском хозяйстве, зачастую концентрируясь в производстве, требующем больших затрат времени и труда, за что им не платят или платят мало¹.

Анализ структуры занятости в Узбекистане показывает, что в 2017 году в сфере образования доля занятых женщин составила - 75,6 %, доля мужчин - 24,4 %, в здравоохранении и предоставлении социальных услуг доля женщин - 76,6 %, доля мужчин - 23,4 %.

Анализ МОТ по 142 стран показывает, что женщин среди “служащих, работников сферы обслуживания и торговли” и “неквалифицированных работников” составляет большую часть в общей численности занятых. С другой стороны, в развитых странах наблюдается незначительное относительное преобладание женщин в самой высокооплачиваемой профессиональной группе “руководителей, специалистов профессионалов и специалистов-техников” (48,1%).

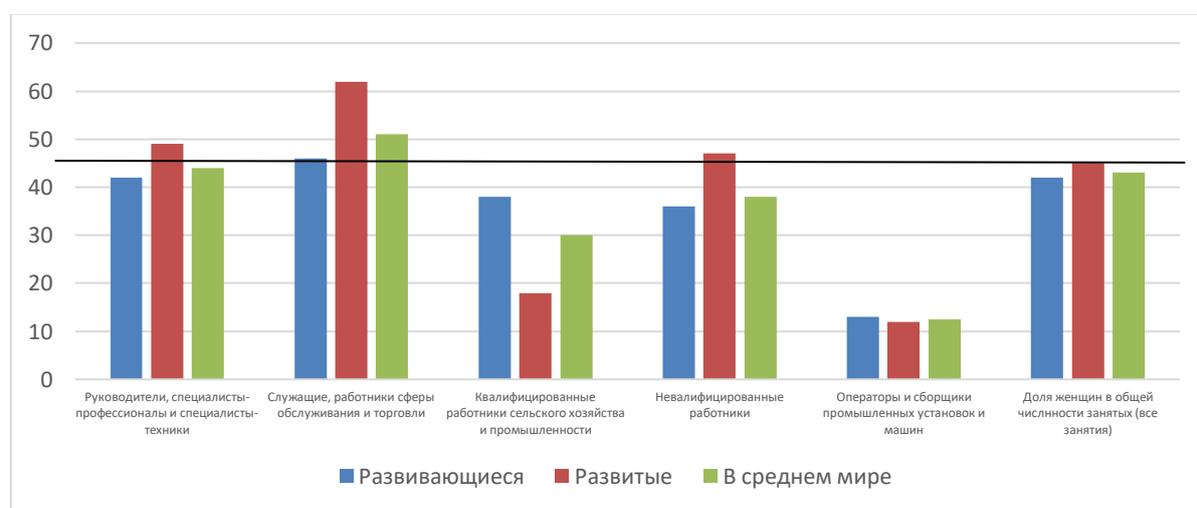

Рис. 1. Профессиональная структура занятых женщин в мире

Источник: Женщины в сфере труда. Тенденции 2016 года. Резюме. <https://www.ilo.org>

Изменение форм труда и его дальнейшая интеллектуализация во многом обусловлена становлением инновационной экономики. Процесс интеллектуализации труда заключается в увеличении доли интеллектуального труда в деятельности женщин и общества в целом. Это требует от работника соответствующих способностей, определенного уровня интеллекта, высокого уровня профессиональных и общеобразовательных знаний. В соответствии с этим возрастает значение общего и специального образования в формировании соответствующих специалистов интеллектуального труда.

Трансформация трудовых отношений под влиянием интеллектуализации труда оказывает воздействие на отношения занятости.

На наш взгляд, концентрация занятости в сфере информационных технологий и услуг, формирование нового информационно-профессионального пространства позволит расширить сферы приложения труда женщин. Глобализация, широкое внедрение информационно-телекоммуникационных технологий, содействуя росту занятости, потенциально способно создать рабочие места для женщин, улучшив их положение. На наш взгляд, если трудовая деятельность женщин предполагает выполнение задания не на производственных и офисных помещениях предприятия, а на дому, то именно на таких рабочих местах большая часть женщин смогут оптимально применить свои знания и способности. Кроме того, отсутствие транспортных и подобных тому расходов, ненормированность длительности рабочего времени делает их ещё более привлекательными.

¹ Женщины в сфере труда. Тенденции 2016 года. Резюме. <https://www.ilo.org>

Образовательный уровень женщин в современный период относительно высок. Тем не менее изменения в структуре экономики требуют иной профессиональной структуры занятого населения. Исключительно актуален вопрос о повышении квалификации женщин в рамках профессионального образования. Необходимость постоянного обновления профессиональных знаний в связи с динамичностью научно-технического прогресса и ускорением внедрения его достижений в экономику требует непрерывного образования. В частности, для обеспечения процесса непрерывного образования очень важно увеличивать масштабы подготовки специалистов широкого профиля. Так же при организации непрерывного образования необходимо сочетать специфические условия трудового процесса женщин-матерей, учитывать особенности их жизненного цикла (рождение и воспитание детей). Если не предусмотреть этого в системе обучения женщин, неизбежной становится значительная или полная утрата профессиональных знаний и навыков.

Выводы. Таким образом, в современных условиях структура занятости и образования женщин становится одним из важнейших аспектов исследований в связи с развитием его интеллектуальных возможностей. Для полного и эффективного использования женского трудового потенциала, для обеспечения продуктивной, рациональной и высокодоходной женской занятости и снижения безработицы необходима интеллектуализация женского труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ш. Мирзиёв Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019 — 2021 годы». 18.09.2018. <http://www.lex.uz>.
2. Женщины в сфере труда. Тенденции 2016 года. Резюме. <https://www.ilo.org>

СУЧАСНІ ПРОБЛЕМИ ТА НАПРЯМИ УДОСКОНАЛЕННЯ СИСТЕМИ ФІНАНСУВАННЯ ШКІЛЬНОЇ ОСВІТИ

Д.е.н., доцент Лойко Валерія Вікторівна, ORCID ID 0000-0003-3248-1585
Аспірант Поздєєва Катерина Вікторівна

Кафедра фінансів та економіки, Київський університет імені Бориса Грінченка,
м. Київ, Україна

Abstract This article is the result of a scientific study on outlining contemporary problems and identifying ways to improve the system of financing modern school education. There are three levels of public administration in Ukraine - state, regional, district. Funding for secondary education is also provided from budgets formed at these three levels: state, regional and district. Most of the education budget is generated at the district level. The cost of maintaining schools is determined by the estimate of income and expenditure. The starting point for determining the amount of allocations for the main items of the school budget is the number of students and grades. Officially, schools have the right to receive extra, extra-budgetary funds through the provision of paid services. Additional educational services are the most significant source of extra-budgetary revenue. The European integration trend of the Ukrainian economy needs greater autonomy for secondary education institutions to provide high-level educational services.

Keywords: Ukraine, secondary education system, financing, problems, areas of improvement.

Актуальність проблеми дослідження. За останні роки відбулося зміцнення такої важливої галузі соціальної сфери як освіта, та, зокрема, середня освіта. Здійснюється модернізація шкіл, зокрема зміцнюється їх матеріально – технічна база, стабілізувалась оплата праці педагогічних працівників, налагоджений процес підготовки висококваліфікованих вчителів. Можна сказати, що освітня галузь зараз належним чином виконує свої функції. Особливо це характерно для міської місцевості, і, звичайно, для столиці України міста Києва.

В той же час, в останні роки загострилось ряд проблем, пов'язаних із розвитком середньої школи. Виник прошарок громадян, особливо у великих містах, які готові надати своїм дітям більш високий та якісний рівень освіти. Як наслідок з'явилося багато нових форм закладів – ліцеї, гімназії, спеціальні школи. Діюча система організації роботи закладів та їх фінансування практично не передбачає диференціації у такому фінансуванні. Планування розміру витрат від «базису» тобто від існуючого матеріально – технічного рівня оснащення, якісного рівня контингенту вчителів, ступеню забезпеченості обладнанням та інвентарем передбачає, що розміри бюджетного фінансування будуть пропорційно збільшуватись там, де взяли на роботу більш «дорогих» педагогів, в силу тих чи інших причин досягли кращого рівня оснащення і т.п. Тобто бюджетний потік для гімназій і ліцеїв об'єктивно є більший, як до звичайних шкіл. При цьому можливості батьків у більш «продвинутих» закладах набагато більші і вони готові посилити таку частину фінансування як плату за додаткові послуги. Виникає ситуація, коли діюча система організаційно – правових форм у середній школі та діюча система фінансування, не дозволяють на законних підставах повноцінно залучати небюджетні джерела фінансування. В результаті багаті, що вчать дітей у гімназіях, отримують від бюджету більше, ніж малоспроможні, чії діти навчаються у звичайних школах. Таким чином зазначені проблеми обумовлюють необхідність пошуку шляхів їх вирішення.

Аналіз наукових досліджень. Питанням приділили увагу багато відомих вчених, дослідників та фахівців, серед яких: В. Андрущенко, Т. Боголіб, Є. Бойко, В. Буковинський, Н. Верхоглядова, Н. Волкова, А. Дем'янчук, І. Каленюк, В. Куценко, В. Ніколаєв, В. Огнев'юк, Т. Решетілова, А. Чернобай, М. Шаваринка, В. Шукевич та інші. Серед зарубіжних авторів слід виділити праці Л. Гохберга, М. Лукашенка, В. Марцинкевича, Я. Нейматова, Г. Хога. Зважаючи на значний доробок вчених виникає необхідність проведення більш сучасних досліджень щодо фінансування середньої освіти в умовах реформування.

Мета статті. Полягає у виявленні та окресленні сучасних проблем системи фінансування середньої освіти та наукове обґрунтування напрямів її удосконалення.

Виклад основного матеріалу. Середня школа на сьогоднішній день практично не має повноважень в управлінні ресурсами. Питання матеріально – технічного забезпечення, диференціації оплати праці серед членів педагогічного колективу, отримання додаткових доходів жорстко регулюються вищестоящими інстанціями. Така ситуація негативно впливає на ініціативу закладів, що має наслідком зниження за останні роки надходжень коштів у спеціальний фонд. Повсякденним є ситуації, коли за рахунок економії, наприклад, енергоресурсів, можна було посилити заходи стимулювання роботи вчителів. В разі відповідального ставлення до виділених коштів можна було уникнути нераціональних закупівель, дороговартісних ремонтів, тощо. Але все зараз знаходиться не на полі вирішення керівництва школи.

Відповідно до законодавства загальноосвітня школа функціонує у вигляді навчальних закладів різних типів:

— середня загальноосвітня школа. Забезпечує базовий рівень освіти з усіх загальноосвітніх предметів;

— школа з поглибленим вивченням окремих предметів. Забезпечує базовий рівень освіти з більшості навчальних предметів, а з деяких — вищий рівень знань;

— школа з профільним навчанням або спеціалізована школа. Передбачає базовий рівень освіти з більшості навчальних предметів і поглибленні знання з одного або декількох профілів: наукового спрямування (фізико-математичного, фізико-технічного, хіміко-біологічного, сільськогосподарського, філологічного, історико-суспільствознавчого, економічного, педагогічного тощо); художнього спрямування (музичного, образотворчого, акторського, вокального, хореографічного тощо); спортивного спрямування (за різними видами спорту). Школи з поглибленим вивченням окремих предметів, з профільним навчанням та спеціалізовані школи можуть функціонувати як гімназії, ліцеї, колегіуми тощо;

— професійно-технічні училища (технічні ліцеї). Забезпечує майбутнім робітникам базових гуманітарних і природничонаукових знань, загальнотехнічних дисциплін на галузевому рівні, а також спеціальних знань.

— можливе створення навчального закладу «дитячий садок-школа»;

— вечірні (змінні) загальноосвітні школи, очно-заочні середні школи;

— спеціальна школа для дітей з вадами розвитку.

Загальноосвітня школа в Україні є тріступеневою:

I ступінь — початкова школа з тривалістю навчання — 3-4(5) років;

II ступінь — основна школа з тривалістю навчання 5 років;

III ступінь — повна середня школа (2-3 роки).

Ступені загальноосвітньої школи залежно від місцевих умов можуть функціонувати автономно. Між ступенями загальної середньої освіти забезпечуються єдність і взаємозв'язок, наступність мети, змісту, методів, засобів, організаційних форм навчання і виховання.

За своїми організаційно-правовими формами загальноосвітні навчальні заклади можуть бути державної, комунальної та приватної форм власності. Відповідно вони утворюються, управляються, фінансуються різними органами. Частка приватних шкіл в Україні є мізерною і у більшості регіонів не перевищує 1%. Лише в Києві (4,9%) та Одеській області (3,0%) ця частка є дещо помітною. Таким чином основна роль у забезпеченні населення послугами загальної середньої освіти відводиться державі.

Аналіз вищеописаної структури середніх загальноосвітніх закладів дозволяє зробити ряд висновків щодо ефективності цієї структури.

По-перше, досвід більшості цивілізованих країн свідчить, що спеціалізація шкіл в масовому порядку починається тільки з певного віку, як правило уже після 4 – 5 років навчання. Логіка такого підходу очевидна. Спочатку треба щоб проявилися здібності та ухили дитини, а уже потім направляти її до закладу із тою чи іншою спеціалізацією. У нас же дитина без особливого тестування може зразу бути зарахована до спеціалізованого закладу із підвищеним рівнем підготовки по тим чи іншим предметам. Критерієм при цьому є тільки статки батьків. В інших країнах заможні батьки також можуть відвести дитину до більш елітного закладу. Але він буде приватним. У нас же заклад належить до державної або комунальної власності, а додаткові кошти, які можуть дозволити собі окремі батьки, в загальній їх структурі не займають великої питомої ваги. Тим самим фактично за рахунок платників

податків окремі особи отримують кращу освіту без особливої прив'язки до їх здібностей. Тому треба, враховуючи зарубіжний досвід, реформувати цю систему, а саме дати можливість на рівні молодших класів бути всім у рівних умовах і тільки після виявлення рівня здібностей та нахилів у дітей, спеціалізувати їх подальше навчання.

По-друге, у нас практично відсутня такі поширені у цивілізованих країнах типи шкіл, як школи старших класів при університетах, великих корпораціях, громадських організаціях. Тобто коли дитина – підліток, що уже визначилась із своєю спеціалізацією та ухилами, продовжує навчання в старших класах в системі майбутнього споживача цих трудових ресурсів. Тим самим отримуються практичні навички, певний досвід, поглиблені знання. Також уже намічаються певні можливості для майбутнього працевлаштування.

По-третє, слід подумати над створенням шкіл із змішаною формою власності, про що також свідчить зарубіжний досвід, зокрема в Канаді. Як ми уже показували, частка шкіл приватної форми власності у нас невелика. В той же час значна мережа комунальних закладів потерпає від великої нехватки ресурсів. Тому було б доцільно розробити механізм, коли в статутному фонді школи мають частки як місцева громада, так і бізнес. При цьому бізнес міг інвестувати кошти в ті напрями, як потім можна було б використати для отримання додаткових ресурсів у вигляді платних послуг – спортивні споруди, комп'ютерні зали, центри дозвілля, тощо.

По-четверте, формально в Україні створені типи загальноосвітніх навчальних закладів, які задовольняють різні категорії дітей у здобутті загальної середньої освіти, проте рівень доступності таких закладів свідчить про існування певних перешкод. Так, гімназії та ліцеї майже виключно створюються у міських населених пунктах, що фактично закриває доступ дітям з сіл до відносно якіснішої освіти.

Робочі навчальні плани державного і комунального навчального закладу затверджуються відповідним органом управління освітою; приватного навчального закладу - його засновником, однак погоджуються відповідним органом управління освітою. Така організація навчального процесу дає змогу прослідкувати за змістом навчання у всіх типах навчальних закладів.

Відповідно до навчальних планів закладів освіти, педагогічні працівники самостійно добирають програми, за якими вони будуть викладати той чи інший предмет, підручники, навчальні посібники, які мають рекомендацію Міністерства для проведення навчального процесу, а також методи навчання. Саме в підборі методів навчання найбільш повно можуть проявитися педагогічні можливості вчителів.

Серед недоліків навчального процесу є те, що програми, за якими ведеться навчання з тих чи інших предметів, часто визначаються не безпосередньо вчителями, а районними методичними кабінетами. Можливості у виборі підручників обмежуються наявністю їх у шкільних бібліотеках та фінансовими можливостями дітей для їх закупівлі і є незначними, особливо для сільських загальноосвітніх шкіл.

Спеціалізованим навчальним закладам, у тому числі гімназіям, ліцеям, колегіумам та профільним класам, дозволяється перерозподіляти між предметами до 10% навчального часу інваріантної (незмінної) частини Базового навчального плану, а також адаптувати години, виділені на так звані технологічні предмети (трудове навчання, основи виробництва) для профільного навчання.

За проведеними дослідженнями можна виділити наступні складові фінансової політики у сфері середньої освіти:

- проведення фінансової політики на основі чітко визначеної нормативно-правової бази;
- асигнування фінансових ресурсів згідно визначених обсягів за нормативами;
- визначення формули розподілу коштів між бюджетами різного рівня;
- визначення нормативів видатків на одного учня різних навчальних закладів;
- визначення основних правил залучення та норм використання школами позабюджетних коштів.

Оскільки в Україні існує три рівні державного управління освітою - державний, обласний, районний, то і фінансування середньої освіти також здійснюється з бюджетів, що формуються на цих трьох рівнях: державному, обласному та районному. Причому переважна частина бюджету освіти формується на рівні району. Кошти районного і обласного бюджетів складають приблизно 94-99% всього бюджету середньої освіти.

Розподіл між видатками бюджетів різних рівнів відбувається таким чином.

З Державного бюджету фінансуються [1,2]:

1) спеціальні школи-інтернати для обдарованих дітей (їх всього 3);

2) школи соціальної реабілітації, в яких утримуються неповнолітні правопорушники віком 11-14 років;

3) випуск підручників.

З обласних бюджетів, фінансуються:

1) спеціальні школи, школи-інтернати для дітей з вадами розвитку;

2) загальноосвітні школи-інтернати;

3) дитячі будинки;

4) підвищення кваліфікації педагогічних кадрів.

з районних бюджетів:

1) загальноосвітні школи;

2) спеціалізовані школи, ліцеї, гімназії тощо;

3) загальноосвітні школи-інтернати, дитячі будинки (якщо 70% контингенту формується в межах району).

В місті Києві після скорочення повноважень міських районів, зокрема ліквідації районних рад, фінансування здійснюється через міський бюджет із урахуванням розрахунків, що проведені в районах.

Видатки на освіту складають саму велику частину місцевих бюджетів, хоча величина її може значною мірою варіювати залежно від таких факторів як кількості навчальних закладів, що відносяться до юрисдикції даного регіону, а також обсягу бюджету, який в свою чергу визначається рівнем розвитку виробничої сфери регіону, обсягом податкових надходжень та тою їх часткою, що залишається у власному розпорядженні.

Розмір витрат на утримання шкіл визначається кошторисом доходів і видатків. Розрахунковий показник обсягу видатків на освіту визначається залежно від загального обсягу ресурсів місцевих бюджетів на освіту, фінансового нормативу бюджетної забезпеченості одного учня та приведеного контингенту учнів різних типів загальноосвітніх навчальних закладів станом на 5 вересня року, що передував поточному бюджетному періоду.

Вихідною базою для визначення розміру асигнувань за основними статтями кошторису школи є кількість учнів і класів, яку відображають у кошторисі на дві дати: 1 січня та 1 вересня планового року. На основі цього розраховують кількість педагогічних ставок у школі за трьома показниками: кількість класів, кількість навчальних занять, норми навчального навантаження учителів на тиждень. Після цього розраховують витрати за економічними категоріями.

Процес планування фінансових видатків на освіту має починатися знизу: навчальні заклади на основі встановлених нормативів витрат в розрахунку на одного учня складають проекти кошторисів, в яких враховуються витрати на оплату праці педагогічного і допоміжного персоналу, витрати на комунальні послуги, харчування, утримання будівель, капітальний ремонт тощо. Дані проектів кошторисів окремих шкіл, що відносяться до одного адміністративного району, акумулюються районними управліннями (відділами) освіти. Централізовані бухгалтерії райвно подають свої зведені кошториси до обласного управління освіти (або міського, зокрема, у місті Києві). На обласному рівні сукупні цифри районних освітніх бюджетів мають ставати основою бюджетів освіти обласних державних адміністрацій.

Спільною особливістю діяльності всіх загальноосвітніх навчальних закладів є висока питома вага частки видатків на заробітну плату, які разом з нарахуваннями складають від 60 до 80% всього бюджету шкіл. При цьому рівень заробітної плати вчителів залишається низьким і не відповідає мінімальним нормам відшкодування витрат їх фізичної і розумової енергії.

Підсумовуючи практику застосування фінансування оплати праці слід зробити висновки, що система оплати праці та матеріального заохочення потребує суттєвого вдосконалення. Але таке вдосконалення має відбуватись в рамках проведення комплексних змін у фінансово – організаційному механізмі середньої школи. Питання полягає в тому, щоб збільшити господарську самостійність середніх учбових закладів. Це дасть можливість збільшити частку перемінної оплати праці порівнюючи з постійною, тарифною чи окладною частиною. Тобто в умовах набуття більших повноважень школа зможе ширше застосовувати такі форми як доплати за певні результати, премії, індивідуальні надбавки, тощо.

Другою обов'язковою статтею видатків шкіл виступає оплата комунальних послуг та енергоносіїв, фінансування якої здійснюється також недостатньо. Закладам освіти доводяться ліміти на використання енергоносіїв або обсяг фінансування цих витрат встановлюється на рівні минулого року за винятком 6 відсотків цієї суми. Досягнення цієї економії має відбуватися за рахунок вимикання світла, водопостачання тощо.

Встановлені нормативи видатків на придбання предметів постачання і матеріалів, утримання бюджетних установ на даний момент фактично не витримуються. Ці категорії видатків або взагалі не закладаються в кошторисі, або визначаються на підставі даних про середню величину учбових видатків за минулий рік і майже не фінансуються.

Видатки на харчування учнів представлені переважно в діяльності загальноосвітніх закладів інтернатного типу. У денних загальноосвітніх закладах видатки на харчування здійснюються лише в мінімальних розмірах.

Поточний ремонт обладнання, інвентарю та будівель – видатки за цією категорією майже не фінансуються з державного і місцевих бюджетів. Вартість ремонту фактично визначається не за нормативами, а на основі договірної ціни тих робіт, які планується зробити. Фінансування цих видатків здійснюється переважно за кошти батьків та спонсорів.

Загальноосвітні заклади інтернатного типу на даний момент є єдиною категорією навчальних закладів, за якою майже повністю фінансуються видатки на утримання їх вихованців: забезпечення одягом, м'яким інвентарем, предметами особистої гігієни, підручниками, шкільним приладдям, іграми та ін. Однак рівень фінансування цих закладів також залишається дуже низьким.

Офіційно школи мають право отримувати додаткові, позабюджетні кошти за рахунок надання платних послуг [3]. Більша частина шкіл використовує для цього спеціальний рахунок у Держказначействі, плануючи певні суми доходів та, відповідно, витрат у спеціальному фонді зведеного річного кошторису. Одночасно матеріальні цінності, передані батьками школі, обліковуються бухгалтерією школи у так званій натуральній формі, також проводяться через облік Держказначейства. Інші школи додатково утворюють окрему юридичну особу – благодійний фонд, який має свої окремі рахунки в комерційному банку, свою бухгалтерію, свій кошторис та систематично співпрацює зі школою на підставі угоди про благодійну діяльність та прийнятої благодійної програми. Нерідко застосовується практика безпосередніх готівкових розрахунків за товари, роботи та послуги для школи з боку батьківського комітету або навіть окремих осіб.

Залучення додаткових ресурсів шляхом надання платних послуг реально представлено лише у великих містах або в регіонах, де більш-менш розвинений виробничий сектор, в якому зайнята значна частина населення.

Найбільш вагомим джерелом позабюджетних надходжень виступають додаткові освітні послуги. За рахунок коштів батьків та підприємств можуть вводитися навчальні курси понад обсяг, визначений державним стандартом для відповідного освітнього рівня.

Інтеграційні процеси в міжнародний освітній простір визначають стратегічний напрям розвитку освіти України, а також обумовлюють вивчення передового педагогічного досвіду зарубіжних країн, що є необхідністю для переходу на якісно новий, конкурентоспроможний рівень шкільної ланки освіти. Це зумовлює необхідність дослідження сучасних новітніх освітніх концепцій навчання й виховання дітей шкільного віку, що допомагає визначити нові підходи до організації діяльності системи шкільного навчання та її фінансування відповідно до якості надання освітніх послуг [4,5].

Велике значення для вдосконалення фінансування загальної середньої освіти в Україні на основі зарубіжного досвіду має впровадження фінансових відносин на принципах концепції субсидарності. Це означає.

По-перше. Установи більш високого рівня, зокрема обласно до рівня , а також районно до школи, можуть втручатися у фінансові справи більш низького рівня лише тою мірою, в якій друга продемонструвала і довела свою нездатність вирішувати проблеми. Тобто цей принцип визначає обмеження щодо втручання вищих рівнів у фінансові справи нижчих рівнів.

По-друге. Вищий рівень може надавати фінансову допомогу нижчому рівню. Причому така допомога має сприяти фінансовій автономії школи та розширенню її повноважень. Тобто державне втручання в діяльність закладів освіти здійснюється лише для сприяння у фінансуванні для реалізації намічених програм.

По-третє. Важливим принципом, що впливає з концепції субсидарності, є принцип розподілу повноважень між різними рівнями в усіх сферах, включаючи й фінансову складову. В освітній сфері це означає, що капітальний ремонт, реконструкція, перепідготовка кадрів та ряд інших функцій як здійснюється, так фінансуються на вищому рівні, а все інше є прерогативою самого закладу, на що він має отримувати кошти із бюджету.

Застосування принципу фінансової субсидарності робить фінансові взаємовідносини між різними рівнями в освітній сфері досить гнучкими.

Висновки. За проведеними дослідженнями можна зробити висновок, що діюча в Україні система фінансування середньої освіти потребує суттєвого удосконалення, зокрема по таким позиціям, як механізм визначення розміру коштів на кожний заклад; порядок планування та розрахунку коштів, що виділяються закладам на плановий період, визначення всіх позицій щодо залучення позабюджетних коштів; і, нарешті система управління цими коштами.

ЛІТЕРАТУРА

1. Law of Ukraine. About education № 2145-VIII. (2017, September 05). Retrieved November 12, 2018, from http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T172145.htm
2. Decree of the President of Ukraine № 344/2013. On the National Strategy for the Development of Education in Ukraine until 2021. (2013, June 25). Retrieved November 15, 2018, from <https://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/344/2013>
3. Loiko, V., & Loiko, D. (2018). Providing quality of forming professional competences of economists in the modern Ukrainian university in conditions of eurointegration. *European Scientific Journal of Economic and Financial Innovation*, (2), 64-70.
4. Aleksandrova, O., Batchenko, L., Dielini, M., & Lavryk, U. (2018). Specifics of Managing Competitiveness of Present-day University on Principles of Social Responsibility. *Naukovyi Visnyk Nacionalnogo Hirnychogo Universitetu*, 4, 157-165
5. Quality management systems ISO 9001:2015. (2015). Retrieved November 10, 2018, from <http://khoda.gov.ua/image/catalog/files/9001.pdf>

ФАКТОРЫ РОСТА СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ КИТАЯ

Юэ Тайшань,

Белорусский государственный университет; студент; аспирант; Беларусь

Abstract. *The article presents an analysis of the key factors that have determined the rapid growth of the construction industry in China. The measures of state influence aimed at stimulating the inflow of investments into the construction sector of the economy are considered, in particular: ensuring the competitiveness of Chinese construction companies in the domestic and foreign markets (effective tax policy, soft loans, subsidies); stimulating the growth of prices for commercial real estate by strengthening the processes of urbanization and rapid infrastructure construction; implementation of a new social policy aimed at providing housing for citizens due to the growth of mortgage lending. An important factor in the intensification of the processes described in the article is the creation of a favorable investment climate, which is possible only with the harmonization of legislation in the construction sector, the removal of administrative barriers and coordinated progressive development of the sector according to the state strategy.*

Keywords: *construction industry, construction industry, housing construction, commercial real estate, infrastructure.*

Введение. Строительная отрасль является экономической инвестицией, и ее связь с экономическим развитием хорошо обоснована. Экономический эффект от развития этой отрасли заключается в мультипликационном эффекте средств, вложенных в строительство. Ведь с развитием строительной отрасли будут развиваться: производство строительных материалов и соответствующего оборудования, машиностроительная отрасль, металлургия и металлообработка, нефтехимия, производство стекла, деревообрабатывающая и фарфорофаянсовая промышленность, транспорт, энергетика и т.д. [1]. Существует множество аргументов и контраргументов относительно истинной роли строительной отрасли в продвижении экономического развития. Строительная отрасль важна также для обеспечения необходимых инфраструктур, стимулирующих экономическое развитие.

Целью статьи является выявление специфики строительной отрасли Китая как объекта регулирования инвестиционных процессов, идентификация основных факторов влияния инвестиционной политики на активизацию развития строительной отрасли.

Результаты исследования.

Китайская экономика переживает структурный сдвиг парадигмы. Это произошло из-за изменений в модели экономического развития, которая в последние годы создала беспрецедентные избыточные мощности и долги во многих секторах. Двухзначный рост экономики оказался неустойчивым, и этот стратегический поворот был четко виден с момента 3-его пленарного заседания 18-го Центрального Комитета Коммунистической партии Китая в ноябре 2013 г., когда было заявлено, что новые реформы должны быть направлены на поощрение более устойчивого, ориентированного на качество развития.

Строительный сектор Китая за 2011-2018 гг. показывал колебания и неравномерные траектории роста. Однако он остается опорной отраслью для экономики Китая, и как таковой не должен игнорироваться. Если рассматривать динамику показателей за последние пять лет, можем выделить следующие закономерности:

1. С общим объемом расходов на строительство в размере 1,78 трлн долларов США, Китай стал в 2013 г. крупнейшим строительным рынком в мире. Крупнейшая строительная компания в мире, китайская государственная строительная инженерная корпорация (CSCEC), в 2014 году получила доход в размере около 800 миллиардов юаней [3].

2. Добавленная стоимость от строительной отрасли в Китае увеличилась на 12 % в 2018 г. по сравнению с 2009 г., что выше среднего уровня роста ВВП Китая за тот же период. Еще один важный сектор, развитие жилой недвижимости рассматривается в качестве основного драйвера экономики Китая в последнее десятилетие. В 2011 году было построено около 1 470 миллионов квадратных метров жилой площади. Общий объем инвестиций в жилую недвижимость в Китае в 2013 году составил около 7,5 трлн юаней [3].

3. Успех строительной отрасли Китая тесно связан с внутренними усилиями по урбанизации и экономическому развитию. В этой связи, неудивительно, что восточные прибрежные провинции, такие как Цзянсу или Чжэцзян, были в числе регионов с самыми высокими доходами от строительной отрасли в Китае в 2012 году. Расходы на строительство в Китае, как ожидается, вырастут на 7,8% в год в реальном выражении до 2019 года. Рост будет обусловлен продолжающейся индустриализацией, увеличением численности городского населения, расширением финансирования иностранных инвестиций, повышением уровня доходов населения и дальнейшим ростом численности населения и домашних хозяйств в Китае [1].

Китайское правительство прошло долгий путь развития строительной отрасли. Так, в 2014 году правительство выпустило «план урбанизации нового стиля Китая (2014-2020)» – исторический документ, в котором говорится о необходимости обеспечения устойчивого и качественного роста. План определяет стратегии и меры, подлежащие осуществлению в ключевых макрорегионах, включая совершенствование и интеграцию между городскими и сельскими районами, укреплению охраны окружающей среды, сохранению и популяризации исторического наследия, повышение эффективности землепользования. План устанавливает высокие цели, которые могут предложить широкие возможности для поставщиков услуг для проекта развития «зеленых, умных и культурных городов». В настоящее время основное внимание уделяется планированию и выполнению экономических, финансовых и социальных реформ (система Хукоу), а не техническим вопросам и масштабной разработке проектов [3].

В июле 2015 года состоялась национальная конференция на высшем уровне по вопросам урбанизации и соответствующей новой стратегии. Этот документ обеспечил формирование четкой дорожной карты, включая все основные цели и сроки. Вполне предсказуемо, что рынок недвижимости может выйти на новый уровень развития.

Усилия правительства по поддержанию роста в производственном секторе, улучшению инфраструктуры страны, расширению коммунальных услуг и сбалансированию регионального экономического неравенства будут способствовать росту расходов на строительство. Однако дальнейший рост будет ограничен замедлением темпов роста китайской экономики, особенно инвестиций в основной капитал.

Китай состоит из нескольких региональных рынков, характеризующихся различным климатом, населением и уровнем экономического развития. На долю Центрально-Восточной части Китая в 2014 году пришлось 43% расходов на строительство, что выше, чем его доля в населении или экономическом производстве. Тем не менее, в регионе по оценкам экспертов будет наблюдаться более медленный рост до 2019 года, чем в других пяти регионах Китая – 7,2% в год. Расходы на строительство на северо-западе Китая, по прогнозам, вырастут на 9,0% в годовом выражении до 2019 года, опередив все остальные регионы [1]. Стратегия «Великого Западного развития» Китая приведет к значительному увеличению расходов на инфраструктуру и производство в этом регионе.

Строительство жилых зданий, на долю которых в 2014 году приходилось 31% расходов на строительство в Китае, по прогнозам будет расти на 7,5% в год до 2019 года [1]. Повышение уровня личных доходов, рост численности населения и домашних хозяйств, а также миграция населения из сельских районов в города будут стимулировать этот процесс. Усилия правительства по улучшению условий жизни граждан с низкими доходами (например, строительство недорогих и низкооплачиваемых домов в городских районах и субсидирование переоборудования ветхих фермерских домов в сельских районах) также будут способствовать дальнейшему росту этого сегмента строительного рынка.

Нежилые здания представляли собой самый большой сегмент строительного рынка в Китае в 2014 году, составляя 40% расходов на строительство. Расходы на коммерческое строительство, как ожидается, будут расти на 8,1% ежегодно в реальном выражении до 2019 года [1]. Устойчивый рост потребительских расходов на промышленные товары и услуги, адаптивная государственная политика и прямые иностранные инвестиции, а также усилия правительства по повышению уровня жизни в Китае – все это будет способствовать росту доходов в сфере коммерческой инфраструктуры.

Китайское правительство уже осуществило действия, направленные на увеличение роста рынка недвижимости. К ним относятся повышение доступности ипотечных кредитов и снижение первоначальных платежей, финансирование расходов для покупателей, которые

хотят финансировать в недвижимость, подтверждающие финансовую поддержку государственных проектов провинциального уровня и дальнейшее открытие местного рынка для иностранных инвесторов.

Другие экономические стратегии (Один пояс, один путь – в Китае 2025) также могут быть источником среднесрочных возможностей для строительной отрасли. Основную часть рынка занимают китайские предприятия. Нишевые рынки – это единственная область, оставшаяся иностранным компаниям. Однако, эти нишевые рынки могут быстро расти и быть очень прибыльными для бизнеса, способного предложить новые технологические решения.

Быстрые изменения, происходящие во многих аспектах китайского общества, привели к увеличению затрат на рабочую силу. Усиление давления в отношении экологических проблем и появление среднего класса, наделенного финансовыми ресурсами, для осуществления трат на комфорт и качество жизни сформировали возможности для строительных компаний, которые могут предложить технологии для поддержки производительности труда и энергосбережения. В равной степени, есть ниши для компаний, предоставляющие высококачественные, сложные продукты, адаптированные для китайского рынка недвижимости.

Выводы. В современных условиях строительной комплекс Китая становится самостоятельным объектом управления, поэтому его взаимосвязи с другими секторами экономики носят скорее целевой характер и имеют четко обозначенный формы.

Произведенное исследование позволило прийти к выводу, что предложенные факторы экономического роста строительной отрасли Китая основываются на следующем:

1) успешной реализации государственной стратегии «Великого Западного развития» и выполнение «Плана урбанизации нового стиля Китая (2014-2020)», что стало основой строительного бума в Китае;

2) концентрация государственных финансов на стратегических направлениях, обеспечивающих максимальную эффективность и стабильное развитие строительного комплекса;

3) стимулирование активности населения в плане увеличения его платежеспособного спроса;

4) при анализе факторов, влияющих на экономический рост строительной отрасли, китайскими властями учитывались такие особенности как региональное неравенство, доступность и обязательность поддержки малоимущих граждан, значительное отличие внутренних цен от мировых.

Характер вышеуказанных факторов во многом обусловлен тем, что в условиях новой экономической модели сформировалась особая структура строительного комплекса Китая. Дореформенная модель управления комплексом существенно отставала от всей системы государственного управления Китая, что определило необходимость увязки развития строительной отрасли с государственной стратегией и планами развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. China Construction Sector Report 2016/2017 [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: https://www.emis.com/php/store/reports/CN/China_Construction_Sector_Report_20162017_en_544978739.htm. Date of access: 18.04.2019.
2. Lam, Y.T. The development of the construction legal system in China/Y.T. Lam, Z. Chen // Construction Management and Economics. – 2004. – № 22. – PP. 347-356.
3. The Construction Sector in China [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: http://ccilc.pt/wp-content/uploads/2017/07/eu_sme_centre_report_-_the_construction_sector_in_china_update_-_june_2015.pdf. Date of access: 18.04.2019.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ПАЛОМНИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В УЗБЕКИСТАНЕ

Анвар Аиджонович Худояров,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «исламская экономика и финансы, паломнический туризм» Международной Исламской Академии Узбекистана

Abstract. *The article discusses that the fact that international tourism in the modern world is part of the global economy and a rapidly growing industry. Also the tourism sector of Uzbekistan is switching to the global scale and adequately representing our country in the world tourism. In addition, it must meet all international requirements in the field of international tourism.*

Keywords: *diversification, entrepreneurship, coordination, standards, cooperation, experience, regulation.*

Благодаря открытой и практической внешней политике Узбекистана в международных отношениях, количество туристов, желающих насладиться достижениями многовековой цивилизации на примере памятников архитектуры, изучающих уникальные обычаи и традиции истории нашей страны, растет с каждым годом. Поэтому сегодня сотрудничество в сфере туризма повышает международный авторитет нашей страны. Мы можем видеть это в следующих примерах.

В любой сфере разработка государственной политики важна. В том числе туризм. Государство должно обеспечить все необходимые условия для формирования и эффективного функционирования индустрии туризма, то есть создать нормативно-правовую базу и в целом, принять соответствующие меры по поощрению и развитию конкретных видов туризма. Развитию туризма в этой области будет способствовать создание условий для добросовестной конкуренции среди предпринимателей в том числе регулирующих деятельность туроператоров, работающих в сфере туризма, и защищающих права и интересы туристов. Достижение государственной независимости Узбекистана позволило разработать качественно новые принципы государственной туристической политики. С первых дней независимости туризм был сосредоточен на определенной государственной политике, как это имело место во всех секторах. На основании Указа Президента Республики Узбекистан от 27 июля 1992 года ПФ-447 «О создании Национальной компании «Узбектуризм»¹ был принят для создания в Узбекистане туристической индустрии, отвечающей международным стандартам. Это был первый шаг к развитию и выводу его на новый уровень. Национальная компания «Узбектуризм» проводит политику по развитию международного туризма, развитию национальной модели туризма в стране, координации деятельности туристических организаций, включая все виды туризма, в том числе традиционный культурно-исторический туризм, паломнический туризм, экотуризм, гастрономический, этнографический, экстремальное здравоохранение, альпинизм, привлечение иностранных инвестиций, создание материально-технической базы промышленности, туристической инфраструктуры. Создание Национальной компании «Узбектуризм» и вступление во Всемирную туристическую организацию в 1993 году явилось крупным шагом в развитии туризма в Узбекистане. В республике созданы новые условия и механизмы, позволяющие вывести международный туризм на новый уровень и эффективно работать.

Учитывая важность «Великого шелкового пути» в развитии международного туризма в Узбекистане, Указ Президента Республики Узбекистан утвердил 2 июня 1995 года в целях содействия участию Республики Узбекистан в восстановлении «Великого шелкового пути» и развитию международного туризма в стране.² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 3 июня 1995 года "О введении международного туризма в Республике Узбекистан".³ Кроме того, был принят ряд правовых актов в сфере туризма. Основным документом являются Закон Республики Узбекистан «О туризме» от 20 августа 1999 года, Указ Президента от 30 июня 1999 года «О подготовке квалифицированных кадров для туризма в Узбекистане» и «Государственная программа развития туризма в Узбекистане на 2005 год» от 15 апреля 1999 года. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 210 от 3 июня 1995 года «О

¹ Ташкент, 1992 год 27 июля, ПФ-447 (Вестник Верховного Совета Республики Узбекистан, 1992 г, 9-вып, 375 ст)

² Сборник законодательных актов Республики Узбекистан, 2009 г, 25-вып, 282-ст.

³ Сборник законодательных актов Республики Узбекистан 2004 г, 30-вып, 346-ст; 2010 г, 23-вып, 183-ст; 2012 г, 41-42-вып, 478-ст.

создании современной инфраструктуры международного туризма в Республике Узбекистан» от 8 августа 1998 года. О мерах по дальнейшему развитию гостиничного бизнеса и международного туризма в Республике Узбекистан от 2 сентября 2002 года № 310 «О совершенствовании организации деятельности туристских организаций» и части 33 от 17 января 2003 года № 497 от 11 ноября 2003 года «Об утверждении Положения о лицензировании туристической деятельности» дополнительные меры ». Эти постановления и указы стали одним из ключевых факторов эффективной и результативной организации туристической индустрии Узбекистана.

Прежде всего, 2 декабря 2016 года Президент Республики Узбекистан, как стратегический сектор экономики страны, создаст благоприятные экономические и организационно-правовые условия для ускоренного развития туризма, более полного и эффективного использования огромного туристического потенциала регионов. Для их продвижения на мировых рынках, для создания позитивного имиджа Узбекистана в сфере туризма был принят Указ № Р-4861. В соответствии с этим указом на базе Национальной компании «Узбектуризм» создан Государственный комитет по развитию туризма Республики Узбекистан. Государственный комитет по развитию туризма Республики Узбекистан был назначен уполномоченным государственным органом в сфере туризма и действует систематически.

Узбекистан давно привлекает людей из самых развитых стран мира своей удивительной и разнообразной природой, богатой историей, архитектурными памятниками и великими мыслителями. Поэтому с первых дней независимости сектор туризма динамично развивается. Туризм является одной из самых прибыльных и динамично развивающихся отраслей. Одним из ключевых факторов развития туризма является мир, стабильность, взаимопонимание и гармония в Республике. Из-за таких чувств у узбекского народа развивается туризм в Узбекистане, и число туристов растет день ото дня. В наших городах с богатой историей на протяжении тысячелетий, в том числе в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Хиве, Коканде, Шахрисабзе, проводятся международные конференции, выставки, а также многочисленные престижные конкурсы и собрания.

Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев в своем обращении к Олий Мажлису объявляет 2019 год «Годом активных инвестиций и социального развития» в Узбекистане и как увеличить инвестиции, решить социальные проблемы, привлечь иностранные инвестиции в отрасль, развить человеческие ресурсы. Принимая во внимание сложные меры, во многих случаях промышленность ограничивается нашими древними городами, историческими и культурными памятниками. В частности, он отметил, что существует огромный потенциал для развития туризма в уникальной природе страны, в национальных заповедниках, в горных районах, особенно в развитии медицинского туризма, паломнического туризма и экотуризма. С учетом вышеперечисленных пунктов и Указа Р-4861 «О мерах по обеспечению быстрого развития туристической отрасли Республики Узбекистан» в стране проводится большая работа. 20 февраля 2019 года была создана Ассоциация гидов Республики Узбекистан. Деятельность гидов помогает правильно представить туристический потенциал страны. Каждый турист нуждается в помощи гидов при поездках в другую страну или город. Путеводитель сможет повысить интерес туриста к нашей стране, предоставив дополнительную информацию о возможностях и удобствах туристических возможностей Узбекистана во время тура.

Первый шаг сделан в развитии паломнического туризма в стране. По инициативе президента Шавката Мирзиёева первый международный туристический форум в Бухаре состоялся 21-23 февраля 2019 года в Бухаре. В рамках форума почетным послом туризма Узбекистана назначен муфтий Малайзии Перлис Мохд Асри бин Зайнул Абидин. Ли Йонг Е, южнокорейская актриса, известная нам как посол туризма в Узбекистане за рубежом, известна своей ролью Тангем в сериале «Жемчужина дворца». Целью является популяризация туристического потенциала Узбекистана для широкой общественности и тем самым привлечение большего количества иностранных туристов в Узбекистан. Работа в этом направлении последовательно активизируется.

14 апреля 2019 года Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев совершил свой первый государственный визит в Узбекистан. «Год Казахстана в Узбекистане — это уникальное событие, которое играет важную роль не только в наших двусторонних отношениях, но и в создании атмосферы взаимопонимания и доверия во всей Центральной Азии. Предлагаю связать основные духовные и исторические центры наших стран, которые являются не только турецкими, но и шедеврами мировой культуры. Я считаю, что можно

открыть туристический кластер, соединив Туркестан, Самарканд и Бухару в одном направлении», – сказал Токаев.

Пятое направление «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы» основано на национальных интересах Узбекистана во внешней политике. его основными целями являются дальнейшее укрепление дружественных и доверительных отношений со всеми соседними странами на основе взаимной выгоды. помечен как я. В этом отношении он продолжает свой путь для цели, которую он поставил перед собой.

Было бы целесообразно развивать следующие виды туризма на основе природного, экономического, исторического и культурного потенциала регионов республики.

Религиозный (паломнический) туризм. Богатство нашей страны с ее религиозными памятниками, как одного из исторически развитых регионов ислама, позволяет нам успешно развивать эту форму туризма. Сегодня многие туристы из мусульманских стран, таких как Малайзия, Индонезия, Пакистан, Саудовская Аравия, Афганистан, Турция и Объединенные Арабские Эмираты, являются главной целью тура, который заключается в посещении религиозных объектов в нашей стране;

Этнический и ностальгический туризм. Мы знаем, что многие люди, которые жили или жили в Узбекистане раньше, сейчас живут в разных странах мира (Саудовская Аравия, Турция, страны СНГ, Израиль и т. д.). Это создаст благоприятные условия для развития этого вида туризма в нашей стране и откроет новые туристические маршруты.

К Экскурсионный и учебный (исторический) туризм. Этот вид туризма может развиваться в древних городах нашей страны – Ташкенте, Бухаре, Самарканде, Хиве, Шахрисабзе. Основное внимание здесь уделяется ознакомлению туристов с монументальными архитектурными памятниками и историческими памятниками;

Археологический туризм. Желательно развивать эту форму туризма в таких городах, как Термез, Кува, Хорезм, чтобы предоставить туристам археологические находки, обеспечить их значимое путешествие;

Рекреационный туризм. Эта форма туризма направлена на отдых и оздоровление. Он отличается от других видов туризма, в которых туристы остаются в одном городе в течение длительного времени, с меньшим количеством маршрутов. Наличие лечебных подземных и минеральных вод в Узбекистане создает благоприятные условия для развития рекреационного туризма (Ташкент, Джизакская область, Ферганская долина).

Еще одним важным направлением реформы туристического сектора является продвижение маркетинга. Успешная интеграция любой страны на современном высоко конкурентном мировом туристическом рынке, конкурентоспособное производство конкурентоспособной продукции зависит от целенаправленных маркетинговых исследований. Опыт мировой экономики показывает, что туризм является важным фактором экономического роста стран, увеличения валютных поступлений и позитивных изменений в платежном балансе в результате увеличения экспортного потенциала, повышения уровня жизни за счет создания новых рабочих мест. Туризм и гостиничное дело занимают третье место в мире после автомобильной и нефтегазовой промышленности. По данным Всемирной туристской организации ООН (ЮНВТО), 10,4% мирового ВВП (8,3 трлн. долл. США в 2017 году), 7% мировых инвестиций, налоги на индустрию туризма и гостеприимства приходится 5% доходов, 11% глобальных потребительских расходов и одна из каждых 16 вновь созданных рабочих мест. Уровень занятости в секторе вырос на 103% по сравнению с 2016 годом, и в 2017 году в сфере туризма и туризма он составил 118,4 млн. Долларов. человек (3,8% от общей занятости в мире), а косвенно (с услугами туризма) 313,2 млн. работает.¹

Показатели развития международного туризма в последние годы показывают, что эта сфера становится ведущей отраслью экономики разных стран. В частности, развивающиеся страны придают большое значение разработке международной экономической политики в качестве приоритетного направления международного туризма. Благоприятные условия для развития туризма в Узбекистане, дальнейшая интеграция туризма в национальную экономику играют важную роль в экономике страны. Существующая политическая стабильность в Узбекистане играет важную роль в развитии международного туризма.

¹ Travel & Tourism Economic Impact 2018 world.

THE HISTORY OF COOPERATION BETWEEN CHINA AND WHO

Huang Kunpeng, graduate student, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract. *The cooperation between China and the World Health Organization (WHO) is an important symbol of China's participation in global health governance and the realization of internationalization of health. The World Health Organization (WHO) is the most influential of UN agency in the health sector and plays a leading role in global health issues. The cooperation between China and the World Health Organization (WHO) is exemplary. The World Health Organization (WHO) has given valuable help in the development of China's health industry. China is also actively participating in the World Health Organization's efforts to address challenges. China is a founding member of the World Health Organization (WHO). China has made important contributions to the global health industry and the work of the World Health Organization (WHO) for a long time. This article analyzes the health diplomacy activities of China in various periods from the cooperation between China and the World Health Organization (WHO) in different periods, and provides some suggestions for the reform of China's national health system.*

Keywords: *China; World Health Organization; Cooperation.*

The history of global health includes the period of medical conferences, the period of global health cooperation, and the period of globalization and multilateral cooperation in this field. China's World Health Organization (WHO) cooperation centers have reached 69, and the number is the highest in the Western Pacific region of the World Health Organization. There are more than 30 majors in the existing subject. As a window for health technology cooperation between China and the World Health Organization, the World Health Organization Cooperation Center has played an active role in promoting radiation and demonstration in international and domestic health technology exchanges and personnel training. It is an important force in health care goals. Oran R. Yang emphasizes: "The interaction of individual actors also affects interests." [3] "Public health issues are concentrated on the appeals of the human community and are recognized by the human community" [4] China's cooperation with the World Health Organization is China's main line of participation in global health governance. [5] The characteristics of our various periods of diplomacy and international cooperation can be divided into three phases:

1948-1977 - China's legal status in the World Health Organization is occupied by the Taiwan authorities, China and the relationship between WHO has been largely broken. China participates in major conferences of the World Health Organization and pays membership fees without any rights.

At this stage, China's health diplomacy mainly presents two main lines. First, China conducts unilateral health diplomacy to third world countries, mainly as medical assistance. Second, it begins to cooperate with a professional international organization, the World Health Organization. This is an important step in the integration of the international system. Before that, China mistakenly cooperated with the World Health Organization and enjoyed the rights and interests that it deserves as a member state. It was regarded as being aided, refused to accept such technical cooperation, and only paid the dues. Without enjoying the rights.

1978-2002 - Start and work diversified with the World Health Organization. Coordination meetings, joint projects, technical cooperation, conferences, cooperation centers and other forms of cooperation.

China entered a new stage of development from the late 1970s. It is not only a new stage of China's domestic political, economic, and social development, but also a new stage of rapid development of relations between China and the world. Deng Xiaoping proposed that "peace" and "development" are the themes of today's world [2], officially proclaiming a non-aligned and independent foreign policy of peace. In the 1990s, it was a global adaptation period, and China quickly entered the process of economic globalization.

In terms of health diplomacy, China has made full use of the stage of international organizations, actively carried out multilateral diplomacy, supported third world countries, and

supported the global strategic goal of “Health for All for the Year 2000” proposed by the World Health Organization. China actively participated in the discussion of the major conferences of the World Health Organization, and actively and targetedly spoke. In response to the new situations that occurred at the meeting, we analyzed and studied in a timely manner and proposed countermeasures. From the 1970s to the beginning of this century, the cooperation between China and the World Health Organization has developed smoothly: in the work of the World Health Organization, in planning budgets, setting priorities for planning, and on some political issues, our representatives implement national guidelines and policies. To make it more conducive to third world countries; in technical cooperation, vigorously develop and expand technical cooperation with the World Health Organization, and introduce funds, technology, information, and talents for the development of China's health industry; Opportunity to expand the impact.

2003 to 2017 - As a continuation of initial joint projects, conferences, cooperation centers and other activities, the country's cooperation has risen to a strategic level. China plays an important role in the development of the World Health Organization.

From passive assistance to active activities. China participates in the activities of the World Health Organization in interactive games between the two countries and member states. Benefits and values, the direction of management, the global political and economic environment, development issues and health issues, the establishment of aid agencies, partnerships and financial support have become a means of influencing our cooperation with the World Health Organization. In the future, China will work with the World Health Organization to meet our own health needs and health needs in terms of social security and social determinants, building health systems, disseminating knowledge, building capacity, technology development and support, and strengthening cooperation and sharing of experiences.

During this period, China's global influence and external relations continued to develop and quickly became a global power. China's multilateral diplomacy and big country diplomacy have both innovations and breakthroughs, such as holding a large-scale and influential Beijing Summit of China-Africa Cooperation Forum, establishing bilateral strategic cooperation and dialogue with the United States, Russia, Japan, and the European Union, enriching and strengthening China. The channels and influence of diplomacy. During this period, Chinese diplomacy also increased its investment in international obligations and responsibilities. China actively participated in various activities of the World Health Organization. In 2006, after Ms. Chen Fengfuzhen was elected as the Director-General of the World Health Organization, China's cooperation with the World Health Organization was further strengthened. China also took the lead in achieving the goal of eradicating smallpox and polio. Significant achievements have been made in areas such as infectious disease prevention and treatment in traditional medicine, such as primary health care, and the World Health Organization has also given strong support and useful experience. China has also worked with the World Health Organization to develop the World Health Organization's National Cooperation Strategy in China: Strategic Priorities for 2004-2008 [1]. In 2009, Chinese Health Minister Chen Hao made it clear at the 62nd World Health Assembly that China is willing to strengthen cooperation with countries and international organizations to jointly address the challenges facing human public health security.

From “health for one” to “health for all”, China formulates health strategies according to its national conditions, strengthens interaction with the World Health Organization, and assumes the corresponding international responsibilities and obligations of the world's largest developing countries in the health field, and exerts international influence. To promote global health and improve the health of all people.

REFERENCES

1. WHO.WHO-CHINA Country Cooperation Strategy 2008-2013 [M]. Geneva:2008.
2. Deng Xiaoping proposed that " peace and development are the two major themes of the modern era" [Electronic resource] — Model of access: http://intl.ce.cn/zhuanti/wj/dsj/200909/14/t20090914_20013019.shtml— Date of access:11.09/2019.
3. Oran R.Yang ,George J.Demko, and Kilaparti Ramakrishna ,eds., *Global Enviromental Change and International Governance*,Hanover and London:Dartmouth College:University Press of New England, 1996, p.2.
4. Takemi, K., Jimba, M.,Ishii, S., Katsuma, Y., &Nakamura, Y: Human security approaches for global heath .*The Lancet*,2008,Vol .372,pp.14.
5. World Bank: Global Development Horizons 2011: Multipolarity-The New Global Economy, The World Bank, 2011

UNDERSTANDING OF HYBRID WARFARE PHENOMENON THEORY AND POLICY

Vepkhvia Grigalashvili

Ph.D. Candidate, Georgian Technical University, Faculty of Business & Technology, Tbilisi, Georgia

Abstract. *Despite the growing actuality of hybrid warfare, western democratic institutions have not yet been able to formulate a generally accepted view of hybrid warfare. Furthermore, a multitude of explanations currently used add to the perplexity about this already uncertain phenomenon of hybrid warfare.*

Understanding the political-strategic features of hybrid warfare are essential for developing special mechanisms to protect against hybrid threats and hybrid defence strategies. Considering this fact, the article aims to analyse the key characteristics related to the hybrid warfare. At the end of discussion, based on the induction method, an author proposes a political and strategic frame of hybrid warfare.

Keywords: *Hybrid Warfare Concept, Russian Hybrid Warfare Strategy, Georgian Hybrid Defence Policy*

Modern wars are increasingly taking an amorphous form [Barno 2014] and hybrid warfare phenomenon becomes more unclear.

Attitudes towards the phenomenon of hybrid warfare have changed significantly since the events in Ukraine in 2014 (including the annexation of Crimea). Russia's actions in 2014 were a wake-up call for Western societies to resume debate (e.g., the final report of the 2015 Munich Security Conference) on Europe's future security, and the fight against these new types of threat.

Despite that fact, democratic society has not yet been able to incorporate this new form of warfare into one consolidated definition.

According to most sources, "hybrid war" as a term in its current meaning was first mentioned by W. Nemeth, where he theorised that hybrid warfare would be the dominant form of warfare into the future. In his opinion, hybrid warfare is a modern form of guerrilla warfare, which has become more effective thanks to modern technologies and modern methods of mobilisation [Nemeth 2002].

F. G. Hoffman develops the most well-known definition of hybrid warfare (threats). In Hoffmann's analysis hybrid threats are defined as follows: threats are hybrid when any enemy simultaneously uses the relevant combination of conventional weapons, irregular tactics, terrorism and criminal behaviour, in the domain of the conflict, to achieve their political goals. Hoffman also recognises that the problem with the definition of hybrid threat is that it focuses on a combination of different tactics related to violence (excluding criminal acts), but does not include other non-violent actions. Hoffman also emphasises the fact that the hybrid warfare is characterised by widespread terrorism and various forms of crime. [Hoffman 2007], [Hoffman 2014].

As G. Treverton underlines hybrid threats involves the complementary and simultaneous use of various instruments and tools. Propaganda is a key instrument, and long known, however the ubiquitous adoption of media technology gives it new means. The adversary targets the vulnerabilities of their target state, as well as proximity and access [Treverton 2018].

To clarify the dialectics and structure of hybrid warfare, it is important to consider the broad view proposed by D. Kilcullen that hybrid warfare is an event that establishes a link between armed and unarmed forces, military and non-military activities, governmental and non-governmental actors, as well as domestic and international factors, both with and without violence [Kilcullen 2009].

To augment the above, A. Jacobs and G. S. Lasconjarias offer a rather general, but at the same time universal explanation of hybrid warfare, which is eminently plausible. According to their theory, hybrid warfare is to do with a violent form of conflict involving governmental and non-governmental actors, who have unlimited means of conventional and non-conventional influence on the battlefield, or a particular territory. The authors argue that all traditional, irregular, and field-tested forms of armed conflict have gradually merged and coalesced to effect a large destructive power within the strategic framework in which hybrid warfare has become a driving force, for the planned and desired outcomes [Jacobs 2015].

J. J. McCuen is developing the idea of a broad interpretation of hybrid conflict as a full spectrum military action. According to McCuen, hybrid conflicts represent the full spectrum of military operations in both the physical and conceptual dimensions. The first is the fight against the armed enemy, and the second is a broader struggle to secure the support of the local population in the theatre of war; at the same time, the

struggle for general support in the domestic and international arenas. Moreover, in order to consolidate and stabilise the theatre of war, security, necessary utilities, local government, defensive structures and important elements of the economy must be restored immediately [McCuen 2008].

The approach of the American researcher R. Glenn to the phenomenon of hybrid conflict is equally interesting. Glenn was one of the first to emphasise the growing importance of non-military tools for the success in the modern era of warfare [Glenn 2009].

Since 2010, NATO has been providing an overall explanation of hybrid threats and presenting their multidimensional characteristics. Hybrid threats are those that are characterised by parallel capabilities - the ability to convert conventional and non-conventional means from one form to another, with the overall effect of achieving the desired goals [Miklauci 2011].

In his 2017 and 2018 reports, the NATO Secretary General indicated that hybrid warfare includes both military and non-military action, covert and open tactics, ranging from misinformation and propaganda to the use of irregular armed groups or regular forces. Hybrid warfare erases the boundaries between war and peace. Modern hybrid threats include complex cyberattacks, economic and political pressure, and the exploitation of enemy vulnerabilities. Hybrid methods of warfare, such as propaganda, fraud, sabotage and other non-military tactics, have long been used by state and non-state actors to destabilise an enemy. [NATO 2017], [NATO2018].

Although there is still no official definition of the term hybrid warfare that has been formulated by the U.S. Department of Defense, there are unofficial definitions of this term in the military concepts of the U.S. armed forces. For example, the United States Joint Forces Command explains hybrid warfare as a conflict conducted by a state and/or non-state actors using various methods, including conventional capabilities, irregular tactics and criminal offences [Government Accountability Office 2010].

The United Kingdom also pays great attention to hybrid threats, albeit in a different form. The Joint Defense Doctrine states that hybrid threats arise when state and non-state actors apply different methods of warfare simultaneously, while using the latest conventional weapons, irregular tactics, terrorism, and destructive criminal actions to destabilise the existing order [Ministry of Defence 2009].

The military doctrine of the Russian Federation, in 2010, identified new issues related to the conduct of war and the resolution of unforeseen problems, but these issues were more about the characteristics of modern conflict than about the armed forces themselves. The doctrine addresses the issue of the integrated use of military and non-military targets, along with the requisite resources. The doctrine emphasises the importance of the informational space, as a new dimension. The doctrine assumes that information warfare allows for the achievement of political goals, without the use of military force or alternatively creates conditions for the use of such force [Military Doctrine of the Russian Federation 2010].

A subsequent military doctrine of the Russian Federation, in 2014, contains provisions on asymmetric methods of action; such as actions to eliminate the advantage of the adversary, allowing for the participation of irregular military units and private military contractors in the conflict. Considerable emphasis is placed on the cultivation of political forces and social movements that are managed and financed from outside the country [Военная доктрина Российской Федерации 2014].

These changes in doctrine are well illustrated by the opinions of Russian strategy experts, expressed in their articles on warfare. One observation that distinguishes Russian authors is that they do not write about how to protect their own state from hybrid threats, but about how to succeed with these methods.

Former general of the Russian army, M. Gareev, who uses the term "future war" instead of "hybrid war", stresses the importance of technological development and the growing importance of the information war; propaganda can more effectively demoralise the enemy, as well as destabilise the situation, in order to contribute to the success of the aggressor [Gareev 1998].

V. Gerasimov, Ex-chief of the General Staff of the Russian Federation, envisions a gradual erosion of the line between war and peace in the 21st century, just as the line between the actions of uniformed personnel and undercover personnel disappears. Currently, countries do not declare war, but simply start with unknown and usually unpredictable events. He points out that the importance of non-military tools is changing, and that in many cases its effectiveness exceeds that of conventional armed forces [Герасимов 2013].

With reference to Colonel-General A. Kartapolov, of the Russian Army, it has become necessary to develop unconventional methods and tactics to defeat the enemy. He not only supports

the use of hybrid methods to carry out covert aggression, as in the case of Ukraine, but also when conducting larger scale combat operations [Kartapolov 2015].

Another text of particular interest is allegedly by the head of V. Putin's administration – V. Surkov, published under the pseudonym of N. Dubovitsky. In Dubovitsky speaks of a future war that would be comprehensive, waged in any legal or illegal way, that would target all aspects of life, but at the same time would be a war that would be ‘under the radar’ and sufficiently covert so as to be barely perceptible [Дубовицкий 2014].

The theory of “rebellious war”, developed by the Russian Strategist E. Messner. According to E. Messner's concept, a state can officially avoid participating in a war - a state can undertake irregular actions that will give the conflict the appearance of a civil war, and internal chaos. Moreover, he posits that the line between regular armed forces and the civilian population is gradually disappearing, as are the boundaries of the theatre of military actions [Месснер2005].

For the purposes of this article, we have analysed conceptual approaches to the phenomenon of hybrid warfare, which allows us to formulate a consolidated political-strategic view /structure of hybrid warfare (Fig.1) according to which hybrid warfare is the joint and synchronised use, by state or non-state actors, of all available tools/methods, including conventional or non-conventional, legal or illegal methods and instruments, against predetermined weaknesses of a target country, to achieve the desired political goals.

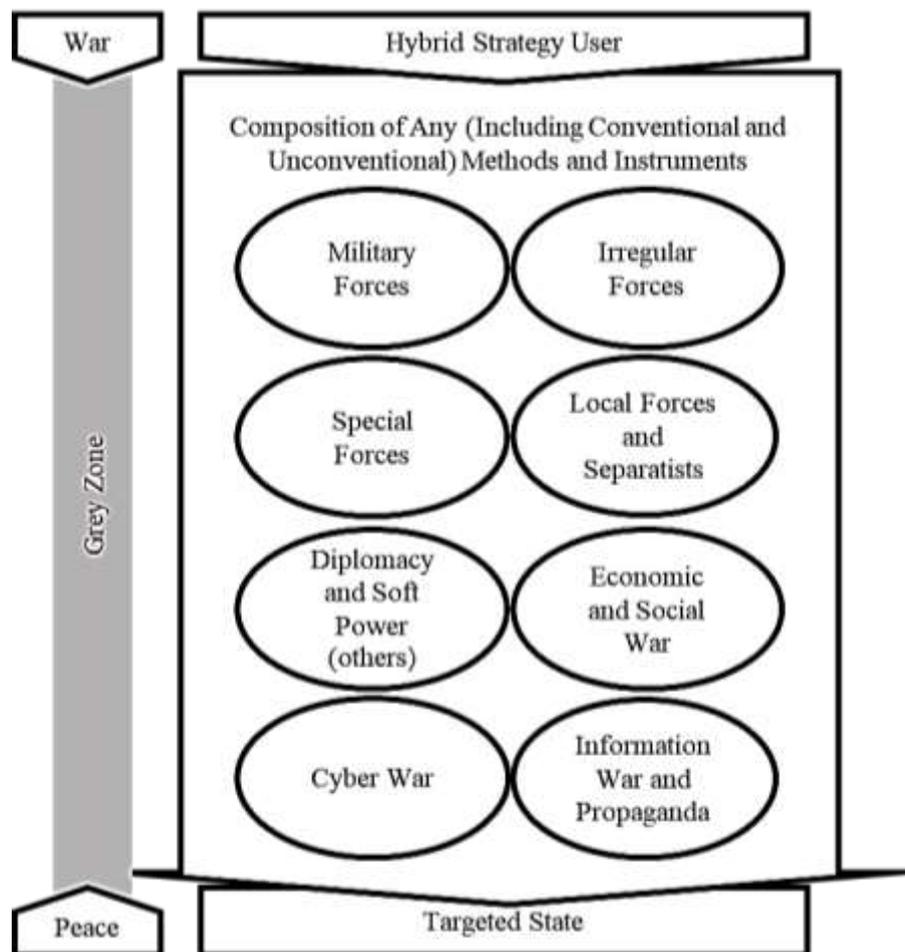

Fig. 1. Political-strategic characteristics of hybrid warfare

Acknowledgment.

The study was funded by the Shota Rustaveli National Science Foundation (Grant No. PhD_F-17-123, Project Name: Problems of Georgian National Defense Management and Solutions).

კვლევა განხორციელდა შოთა რუსთაველის სახელობის ეროვნული სამეცნიერო ფონდის ფინანსური მხარდაჭერით (გრანტის ნომერი: PhD_F-17-123, პროექტის სათაური: საქართველოს ეროვნული თავდაცვის მართვის პრობლემები და მისი გადაჭრის გზები).

REFERENCES

1. Barno D. (2014). The Shadow Wars of the 21st Century. War on the Rocks, July 23, 2014
2. Nemeth, W. J. (2002). Future War and Chechnya: A Case for Hybrid Warfare. Thesis. Naval Postgraduate School, Monterey, California, June 2002
3. Hoffman, F.G. (2007). Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Potomac Institute for Policy Studies Arlington, Virginia, December 2007
4. Hoffman, F.G. (2014). On Not-So-New Warfare: Political Warfare vs Hybrid Threats. 2014
5. Government Accountability Office (2010). National Defence: Hybrid Warfare, GAO-10-1036R. Washington, D.C.: U.S. Government Accountability Office, September 2010
6. Miklauci M. (2011), NATO Countering the Hybrid Threat, 23 September, 2011
7. Ministry of Defence (2009). Security and Stabilisations: The Military Contribution, Joint Doctrine Publication 3-40. JDP 3-40, November 2009
8. Treverton G., Thvedt A., Alicia R. Chen, KLee K., and McCue M. (2018). Addressing Hybrid Threats. Swedish Defence University and the authors, 2018
9. NATO (2017) Secretary general's annual report 2017
10. NATO (2018) Secretary general's annual report 2018
11. Kilcullen D. (2009). The accidental guerrilla: fighting small wars in the midst of a big one. Oxford University Press, Oxford, 2009
12. Jacobs A., Lasconjarias G. (2015). NATO's Hybrid Flanks: Handling Unconventional Warfare in the South and East, Research Paper, NDC Rome, No. 112, 2015, April
13. McCuen J.J. (2008), Hybrid Wars. Academic journal article Military Review, Vol. 88, No. 2, 2008
14. Glenn R. (2009). Thoughts on Hybrid Conflict. Small Wars Journal, 2 March 2009
15. Military Doctrine (2010) of the Russian Federation 2010
16. Военная доктрина (2010) Российской Федерации 2014
17. Gareev M. (1998). If War Comes Tomorrow? The Contours of Future Armed Conflict. Routledge, Abingdon, 1998
18. Герасимов В. (2013). Роль Генерального штаба в организации обороны страны в соответствии с новым Положением о Генеральном штабе, утверждённым Президентом Российской Федерации. Official Speech from January 26, 2013
19. Kartapolov A. (2015). Lessons of Military Conflicts and Prospects for the Development of Resources and Methods of Conducting Them. Direct and Indirect Actions in Contemporary International Conflicts. Journal of the Academy of Military Science 2, 2015
20. Дубовицкий Н. (2014). Без неба. Русский пионер 12 марта 2014
21. Deterring hybrid warfare: a chance for NATO and the EU to work together? NATO review magazine. 2014
22. Месснер Е.Э. (2005). Хочешь Мира, Победи Мятежойну! Москва, Военный Университет Русский Путь. 2005

ДИРЕКТИВА «ПАКЕТНЫЙ ТУР» КАК ИСТОЧНИК ПО РАЗВИТИЮ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ

Иваничева Ляна Сергеевна

*аспирант кафедры источниковедения, исторический факультет
Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь*

Abstract. *The article examines the legal framework of the European Union's tourism legislation (hereinafter the EU), stimulated by EU initiatives to develop tourism policies. The main shortcomings of EU Directive No. 90/1990 on Package Tours, which were eliminated in EU Directive No. 2015/2302, are identified. Together with the changes, the scope of package tours was analyzed. The main innovations introduced in updated Directive on package tours with regard to consumer rights as a source for the development of tourism activities are summarized.*

Keywords: *travel activity, EU, package tour, directive, source.*

Введение. Законодательство, затрагивающее вопросы организации пакетных туров, действует в ЕС на протяжении 25 лет. Однако с развитием интернета и увеличением объема туристических услуг, характер потребительского поведения кардинально изменился, пройдя путь от брошюр к цифровым технологиям. Первые попытки по созданию туристической политики, предпринятые ЕС были сделаны еще в 1956 году, когда был подписан Лиссабонский договор. Благодаря принципу субсидиарности и мерам ЕС, статья о туризме была включена в договор. Но лишь начиная с 1980 года вопросы создания конкурентоспособного внутреннего рынка туристического сектора и защиты прав потребителей стали ключевым.

Результаты исследования. Сегодня у ЕС есть четкое видение того, как должна развиваться туристическая политика, подкрепленная правовой основой.

Но так было не всегда. В начале 1980-х годов, появились проблемы, связанные с неудовлетворенностью потребителей пакетными турами, а именно, несоответствием туристических аннотаций в брошюрах действительности, увеличением цен в договорах после бронирования, непринятием туроператорами ответственности, трудностями, возникающие при получении компенсации, или вопросами банкротства туристических компаний, когда потребитель находился в туре за границей туроператора [1, p. 286-287]

Законодательство ЕС, затрагивающее вопросы организации пакетных туров, устарев, привело к созданию раздробленной правовой среды для участников отрасли.

В «Первоначальных руководящих принципах политики Сообщества в области туризма» 1982 года в разделе «Важность туризма для сообщества» так же была упомянута необходимость обеспечения защиты прав потребителей, выезжающих в «пакетные туры», в следующей формулировке: «Комиссия намерена представить Совету проект директивы о защите прав потребителей во время инклюзивных путешествий праздниками» [2].

В Резолюции 1984 года была отмечена важность защиты интересов туристов от некомпетентных объявлений о жилых помещениях до угроз безопасности в местах их дестинации, которая требовала усиления [3].

Поэтому Директива ЕС 1990 года о пакетных турах стала своеобразным нормативным документом, регулирующим широкие вопросы защиты прав потребителей в узкой сфере. Так, например, продавец и/или организатор тура несли ответственность за ненадлежащее выполнение или продажу услуг, связанных с пакетными турами.

В соответствии со стратегией ЕС в области туризма Директива 1990 года также способствовала укреплению европейского туризма путем корректировки существующих правил с учетом изменившегося поведения потребителей, как об этом говорилось в Европейской повестке дня для потребителей и докладе ЕС. По оценке экспертов обновление туристических услуг коснулось 50% рынка сообщества, тем самым превысив ожидания и удовлетворенность услугами [4].

Толчком к реформе пакетной Директивы 1990 года стали изменения в методах приобретения услуг, вызванные ростом торговых точек онлайн-продаж и увеличением количества низкобюджетных авиакомпаний. Кроме того, в связи с ростом цифрового маркетинга традиционный метод продвижения пакетных направлений себя исчерпал, что было отмечено в Сообщении ЕС в 2013 году [5]. Также отсутствовала ясность в нормах, затрагивающей вопросы

юридической ответственности оказываемых услуг. Туристические предприятия, которые продали эквивалентные услуги, не могли конкурировать в Европе на равных условиях из-за применения разных правил и минимальной гармонизации в государствах-членах.

В настоящее время, пакетные туры в ЕС составляют весомую часть туристической деятельности. К примеру, в 2011 году количество приобретенных индивидуальных туров в Европе составило всего лишь около 23% от традиционных заранее организованных пакетов туров, приобретенных отдыхающими. 35% туристических услуг были проданы посредством онлайн сервисов, что свидетельствует о том [6], что организованные пакетные туры стали сильно отставать от пакетных туров, приобретенных онлайн [4]. Так, например, в марте 2013 года около 183 миллионов граждан ЕС посетили туристические сайты, итогом чего стала реализация примерно 118 миллионов «комбинированных туров» (пакетных туров или помощи, оказанной трейдерами в подборе и бронировании тура) за год [7].

Несмотря на то, что ЕС обеспечивает защиту наиболее уязвимой стороны пакетной директивы и все путешественники защищены общим законодательством ЕС о защите прав потребителей, турист, являясь участником пакетного тура, пользуется дополнительной защитой своих прав в соответствии с Директивой о пакетных турах. В рамках общего законодательства защиты прав потребителей и Директивы о пакетных турах, ЕС внедрил, например, спецификации, касающиеся требований, предъявляемым к информации, правилам, «несправедливым» условиям контрактов, мерам безопасности с точки зрения несостоятельности поставщиков услуг и соблюдения четких обязательств организаторами туров.

25 ноября 2015 года была принята новая Директива (ЕС) 2015/2302 о пакетных турах, вносящая изменения в Постановление № 2006/2004 и Директиву 2011/83/ЕС Европейского парламента и Совета, и отменяющая Директиву (ЕЕС) 90/314 [8]. Новая директива расширила сферу охвата «пакетов» и включила в себя механизмы организации туров. Вместе с тем были исключены статьи о бизнес-пакетах, которые приобретались по коммерческим направлениям. Были расширены требования в отношении предконтрактной информации, с тем чтобы обеспечить более широкую защиту прав потребителей.

Сегодня, Директива создает равные условия для туроператоров и турагентств, которые будут действовать в соответствии с едиными правилами в отношении информационных требований и согласованной политики в отношении защиты прав потребителей в случае банкротства туристического предприятия.

Она также обновляет законодательство о пакетных турах и оптимизирует его. За счет расширения сферы охвата пакетов и уточнения правовой базы, повышается транспарантность, благодаря которой потребители могут удостовериться в том, являются ли они участниками пакетного тура или нет. Обновленная Директива также содержит четкие указания относительно формулировок и характера информационных требований и «шаблоны» информации, которая должна публиковаться на веб-сайтах организаторов туров.

Установлены новые правила, касающиеся ценообразования и изменения цен, в пользу потребителя.

Кроме того, появилась большая ясность в отношении определения ответственности, которую несет сторона, организовавшая тур. Так согласно обновленной информации, во всех случаях, организатор несет ответственность за выполнение договора оказания услуг, даже если услуги предоставляются другими поставщиками услуг.

Вместе с тем государства-члены могут применять национальные законы в отношении вопросов определения ответственности. Весьма интересным фактом является то, что государства-члены должны признавать банкротства туристического предприятия в соответствии с законодательством государства-члена, где это предприятие находится. Так, например, если туроператор продает услуги из других государств-членов, в случае банкротства на него распространяются «карательные» меры его родного государства. Такой механизм может привести к росту конкуренции между государствами-членами, поскольку туристические компании могут создавать располагаться в странах, где страховые выплаты ниже [8].

После вступления в силу Директивы 2015 года в государствах-членах введены единые правила для организаторов, продавцов и путешественников (Ст. 4) [8].

Выводы. Таким образом, Директива о пакетных турах представляет собой существенный исторический источник по развитию туристической деятельности ЕС, опыт которой может быть применен при разработке законодательства любого государства, желающего идти в ногу с цифровым временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. McDonald, M. (2003) European Community Tourism Law and Policy. Blackhall Publishing.
2. Communication on Initial guidelines for a Community policy on tourism [Electronic resource] // Communication from the Commission to the Council – Access mode: <http://aei.pitt.edu/5061/1/5061.pdf>. – Date of access: 01.07.2019.
3. Council Resolution of 10 April 1984 on a Community policy on tourism [Electronic resource] // EU-Lex. – Access mode: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31983Y0804\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31983Y0804(01)). – Date of access: 15.07.2019.
4. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on package travel and assisted travel arrangements, amending Regulation (EC) No 2006/2004, Directive 2011/83/EU and repealing Council Directive 90/314/EEC [Electronic resource] // European Parliament. – Access mode: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A7-2014-0124&language=EN>. – Date of access: 12.07.2019.
5. Policy on ‘Package Travel: Protecting Holiday Makers [Electronic resource] // Council of the European Union. – Access mode: <http://www.consilium.europa.eu/en/policies/package-travel> – Date of access: 23.08.2019.
6. Memo13/42 on ‘Package travel rights: Commission examines options’ [Electronic resource] // European Commission Press release data base. – Access mode: https://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-42_en.htm. – Date of access: 12.06.2019.
7. Policy on ‘Package Travel: Protecting Holiday Makers [Electronic resource] // Council of the European Union. – Access mode: <http://www.consilium.europa.eu/en/policies/package-travel/> – Date of access: 11.05.2019.
8. Package Travel Directive 2015/2302 [Electronic resource] // EU-Lex. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32015L2302#d1e646-1-1>– Date of access: 11.05.2019.

ЭВОЛЮЦИЯ ДИПЛОМАТИИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ С РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

Юэ Тайшань, аспирант,

Белорусский государственный университет, Беларусь

Abstract. *The article presents the priorities of the formation of the political dialogue between the people's Republic of China and the Republic of Korea (PRC-RK), which are based on three postulates: national security, economic development, social and cultural interaction. The author reflects the political views of the key powers whose interests are connected with the countries of the Korean Peninsula. Their dynamics and mechanisms of establishing international cooperation between China, the USA, North Korea and Kazakhstan are traced. Presented on the basis of a conceptual analysis of political events, the conclusions allowed to formulate forecast directions of development of the diplomatic dialogue between China and Kazakhstan and the role of other States in this process. The General regularities of the formation of good-neighborly relations in China's foreign policy are determined by the dynamics of national interests, the goals of economic and political development, the General direction of strengthening geopolitical influence on the world stage.*

Keywords: *geopolitics, international relations, foreign policy, diplomatic dialogue, China, Chinese ideology, Republic of Korea.*

Введение. Выступая с отчетным докладом на XIX съезде Коммунистической партии Китая (КПК) 18 октября 2017 года, Си Цзиньпин сформулировал главную задачу «великого возрождения китайской нации» и позже добавил, что это и есть «китайская мечта». Указанная фраза, очевидно, взята за фундамент новой китайской идеологии, стала быстро тиражироваться подконтрольными партии и государству СМИ. Так же быстро «китайская мечта» была спроектирована и на внешнюю политику страны.

В трактовке китайских идеологов новая теория вобрала в себя традиционные китайские представления об общечеловеческих ценностях с упором на то, что именно в китайской традиции указанные ценности нашли полное выражение. На уровне государства — это стремление к богатству и могуществу, демократичности, цивилизованности и гармонии. Относительно внешней политики — это равноправие всех стран, невмешательства во внутренние дела, уважение и ценность всех культур и моделей развития, принятие тезиса о многообразии и культурном богатстве различных цивилизаций. В Пекине подчеркивают, что не стремятся разжечь новую идеологическую борьбу, а хотят лишь вывести внешнюю политику Китая на новый уровень. Дипломатия «нового интернационализма» как воплощение стремления к проведению политики истинной добродетели, что сделает Китай развитой державой, которую будет уважать все человечество. В данном ключе исследование эволюционных процессов в налаживании политического диалога КНР-РК видится значимым, поскольку позволяет оценить перспективность усилий обеих стран.

Цель исследования: проанализировать процесс эволюции дипломатии Китайской Народной Республики и Республики Корея, выявить общие закономерности и предпосылки развития политического диалога.

Результаты исследования. Научный дискурс об отношениях Китая с крупными державами и соседними странами можно проследить, изучая внутреннюю риторику китайских политиков о международном статусе Китая с начала 1990-х годов. Во время периода Цзян Цзэминя эти дебаты были сосредоточены главным образом на оценке китайского могущества по отношению к другим державам, включая Соединенные Штаты, как доминирующей державы в мире[1]. В то время как Цзян проводил внешнюю политику, ориентированную на США, он представил политику «добрососедства» Китая на 15-м Национальном партийном съезде в 1997 году и придал первостепенное значение региональным отношениям Китая на 16-м Национальном партийном съезде в 2002 году[2]. Концепция «мирного подъема» администрации Ху Цзиньтао была направлена на смягчение внешней озабоченности по поводу намерений Китая как растущей державы путем увязки стабильного развития Китая со стабильной международной обстановкой. На саммите АСЕАН в 2003 году премьер Вэнь

Цзябао определил периферийную дипломатию Китая по созданию «хорошего, безопасного и богатого района» как неотъемлемую часть национальной стратегии развития Китая [3].

Дипломатическая стратегия Си Цзиньпина согласуется с принципом КПК, введенным на 16-м Национальном собрании в 2002 году: «главные державы являются ключевыми... соседние страны являются первым приоритетом, развивающиеся страны являются основой и многосторонность является важным этапом развития дипломатических отношений». Утверждение Ван И о том, что изменения в международных отношениях Китая начинаются с отношений Китая с соседними странами, аналогичным образом подтверждает утверждения его предшественников со времен эпохи Цзян Цзэминя[4].

Дипломатия Китая по укреплению связей с соседними странами также выявляет скрытую неопределенность в отношении США. Даже во время благоприятного периода американо-китайского сотрудничества в середине 2000-х годов Чжан Юнлин и Тан Шипинг называли региональную стратегию Китая «защитой от спадов в китайско-американских отношениях» [5]. С этой точки зрения, опора Китая на Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и другие региональные многосторонние организации может противостоять двусторонним союзам США в области безопасности и блокировать проникновение Соединенных Штатов в периферийные районы Китая [6]. Подобные представления о сбалансированном поведении США и Китая все больше распространяются на представления о конкуренции между США и Китаем в экономической сфере, где двусторонние переговоры о ЗСТ с Южной Кореей поддерживают ее более широкую стратегию консолидации региональных отношений.

Эти закономерности во внешней ориентации Китая характеризуют эволюцию дипломатии со странами Корейского полуострова. С одной стороны, Китай демонстрирует свою роль на полуострове как страна, приверженная мирному развитию. С 1990-х годов корейские специалисты, такие как Цуй Чжиин, утверждали, что отношения сотрудничества с Южной Кореей являются ключом к содействию более широкой стабильности и развитию в Северо-Восточной Азии [7]. С середины 2000-х годов это партнерство рассматривалось как ключевое для экономической интеграции Северо-Восточной Азии, также как успешная модель пяти принципов мирного сосуществования. По мнению Цянь Ен и Би Инда, отношения Китая с Южной Кореей с 1992 года наиболее важно отражают оппозицию КПК к гегемонии со времен Мао Цзэдуна [8]. Чжао Ганчэн считает, что сама опасность конкуренции великих держав на полуострове со времен Холодной войны сводит к минимуму вероятность любой серьезной эскалации напряженности на полуострове [9]. Такие оценки подчеркивают, что конфликта на полуострове можно избежать и в нем нет необходимости, как это предусмотрено моделью внешней политики Си Цзиньпина.

Существуют также более пессимистические взгляды, которые основаны на предположениях враждебных сил под руководством США против растущего влияния Китая [10]. Несмотря на стремительное развитие китайско-южнокорейских отношений после нормализации, такие эксперты, как Лю Цзиньчжи, утверждали в 2002 году, что двусторонние отношения по-прежнему ограничены ролью Соединенных Штатов и Северной Кореи, а также различиями в политических системах и идеологиях[11]. Переход Южной Кореи к консервативному правлению в 2008 году вызвал дискуссию о потенциальном влиянии южнокорейского национализма на двусторонние отношения. В 2010 г. Сеулом была проведена переоценка политики Китая после падения Чхонана. Опрос корейских экспертов CASS в 2011 году позволил заключить, что Южная Корея, вероятно, продолжит свою активную политику сотрудничества с США в плане безопасности, учитывая основные различия в области безопасности, политические и исторические различия и отсутствие стратегического взаимного доверия в отношениях с Китаем[12].

Чжун Фейтенг и Чжан Цзе утверждали, что Китай должен восстановить свои связи в области безопасности с азиатскими соседями в ответ на предпринимаемые США усилия по сдерживанию и уравниванию Китая [13]. С этих позиций, периферийные стратегии Китая продиктованы подозрительностью по отношению к Соединенным Штатам и хеджируют возможность того, что совместные подходы не смогут предотвратить будущий конфликт.

Другие исследователи придерживаются более прагматичного взгляда на отношения Южной Кореи с Китаем и Соединенными Штатами. Еще в 2008 году Ван Шен подчеркнул, что стратегическое сближение Сеула с Вашингтоном не направлено на отдаление Китая в долгосрочной перспективе, поскольку дружественные связи служат национальным интересам и

потребностям как Южной Кореи, так и Китая [14]. После ядерного испытания Северной Кореи в 2009 году, двусторонние отношения вступили в новую фазу, в которой региональное сотрудничество в области безопасности приобретает все большее значение. Партнерство Китая и РК и альянс США, и РК выступают как два компонента прагматичной дипломатической стратегии Сеула, а не конкурирующие альтернативы.

Альянс РК и США вносит свой вклад в обеспечение мира на Корейском полуострове. Кроме того, позиция Южной Кореи в регионе усиливается в результате ее надежд на максимальное сотрудничество Соединенных Штатов и Китая в решении вопросов, которые обостряются в связи с военными амбициями Северной Кореи. Поскольку американо-китайское соперничество было доминирующим в регионе, а также рост северо-корейской напряженности переместили южнокорейскую внешнюю политику в направлении максимизации сотрудничества между США и Китаем, стремясь держать Северную Корею в страхе. Однако усилия по сдерживанию Северной Кореи несколько уменьшают усилия Южной Кореи по проведению многосторонней дипломатии средней силы. Вопрос о ядерном оружии Северной Кореи был самым важным и самым сложным вопросом внешней политики, с которым приходилось иметь дело Южной Корее. Северо-корейские вопросы доминируют в повестке дня Министерства иностранных дел, во-первых, потому что две страны все еще находятся в состоянии войны друг с другом, а во-вторых, потому что Северная Корея, естественно, привлекает больше внимания общественности. Что касается отношений с Северной Кореей, РК смогла полагаться на стратегию средней силы и мягкую силу для мобилизации международного давления на север через своих союзников; вместо того, чтобы говорить о подходе и полагаться на применение силы. В некоторых аспектах Северная Корея подрывает потенциал и дипломатию средней силы Южной Кореи, потому что многие южнокорейские политики посвящают много времени и ресурсов решению северо-корейских проблем, а не фокусируют и посвящают свои ресурсы глобальным проблемам. С другой стороны, южнокорейские военные сталкиваются с той же борьбой, что и дипломатия РК – основная роль Вооруженных сил РК заключается в сдерживании северо-корейской угрозы, что приводит к ограничению числа миротворческих операций, которые военные могут проводить за пределами Корейского полуострова [15].

Пекин уже давно стремится препятствовать стремлению Пхеньяна к ядерному оружию, содействуя стабильности режима, безопасности границ и экономическим реформам. Усилия Пхеньяна по укреплению дипломатических связей и снижению напряженности в сфере безопасности с США и Южной Кореей продвигают эти цели, укрепляя стабильность режима и поощряя экономические реформы и открытость, одновременно подрывая его оправдания ядерного оружия.

Си Цзиньпин вряд ли опасается потери влияния: Китай был и останется самым важным экономическим, стратегическим и дипломатическим партнером КНДР. Несмотря на постоянное беспокойство Северной Кореи по поводу крайней экономической зависимости страны от Китая. Южная Корея и США остаются экзистенциальными угрозами режиму КНДР. И это ставит Китай в приоритетное положение для реализации своей собственной повестки дня на проблемном полуострове.

Выводы. Внешнеполитическая повестка Си Цзиньпина на ближайшие десять лет предусматривает «новый тип отношений крупных держав» и активную «периферийную дипломатию» с соседними странами. Китайские официальные и научные оценки текущих политических директив руководства Си Цзиньпина проясняют возможные возникающие закономерности во внешней ориентации Китая. Они показывают, как основные дипломатические силы Пекина и периферийная дипломатия связаны в отношениях Китай-Республика Корея. Южная Корея является союзником США, наиболее уязвимым для китайского давления из-за китайско-северо-корейских отношений, высокой экономической зависимости от Китая. В рамках развития дипломатического диалога КНР-РК, можем обнаружить следующие закономерности: давление с целью сближения взглядов на историю; попытки достичь согласия по многостороннему подходу к Северной Корее, отличному от американского; усилия по дистанцированию Сеула от совместных военных действий, которые укрепляют систему альянса США; политическая направленность против сотрудничества с Японией, которое может быть истолковано как помощь ей избежать изоляции, к которой стремится Пекин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Yan Xuetong, The Rise of China and Its Power Status, Chinese Journal of International Politics 1, no. 1 (2006): 5-33.
2. Jiang Zemin's Report at the 15th National Party Congress, September 12, 1997; Jiang Zemin's Report at the 16th Party Congress, November 17, 2002.
3. Wen Jiabao, Zhongguo de fazhan he yazhou de zhenxing, Speech at the ASEAN Business and Investment Summit, Bali, October 7, 2003.
4. Chen Xiangyang, Yatai diyuan zhanlue xintaishi yu Zhongguo anquan, Taipingyang xuebao 1 (2005): 83-88.
5. Zhang Yunling and Tang Shiping, China's Regional Strategy, 50.
6. Zhang Yunling and Zhou Fangyin, China's Relations with Its Neighbors, 50.
7. Cui Zhiying, Zhonghan jianjiao hou liang guo guanxi fazhan de huigu yu zhanwang, Guoji guanचा 1 (1999): 4-8.
8. Qian Yong and Bi Yingda, Zhongguo fan baquan zhuyi waijiao sixiang yu zhonghan guanxi fazhan, Dangdai Hanguo 4 (2013): 18-26.
9. Wang Weimin, Li Mingbo de waijiao xin siwei yu zhonghan guanxi, Dangdai Hanguo 4 (2008): 7-13.
10. Liu Jinzhi, Quanmian fazhan de zhonghan hezuo huoban guanxi-wei zhonghan shi zhounian er zuo, Guoji zhengzhi yanjiu 3 (2002): 43-52.
11. Xie Xiaoguang and Li Jianming, Lun Hanguo minzu zhuyi jiqi yingxiang xia de zhonghan guanxi, Hanguo yanjiu luncong 2 (2008): 44-47.
12. Dong Xianrong, Li Yongchun, Wang Xiaoling, Hanguo zhuanjia kan Zhongguo – yi zhonghan guanxi wei zhongxin, Xiandai guoji guanxi 5 (2011): 55-62.
13. Zhong Feiteng and Zhang Jie, Yanxing anquan moshi yu Zhongguo zhoubian waijiao de zhanlue xuanze, Shijie jingji yu zhengzi 8 (2011): 47-64, 156-157.
14. Wang Sheng, Hanguo waijiao de meiguo qingjie yu xianshi jueze-jiejin meiguo bing bu hui shuyuan Zhongguo, Dongbeiyu luntan 4 (2008): 27-32.
15. Lee, S. (2012, September). South Korea as New Middle Power Seeking Complex Diplomacy. Retrieved July 5, 2017

FROM THE HISTORY OF SAMARKAND PAPER

Doctor (PhD) *Asrorova Lobar*

Uzbekistan, Tashkent, International Islamic Academy

Abstract. *The article gives a brief overview of the history of paper production. The paper also describes the origin of several types of paper, most notably, the Samarkand paper. Furthermore, comments of historians on the Samarkand paper, the paper market, and its staff are given. The article also contains the following information: special fatwas are given to avoid wasting paper. As a result, the value of the paper was increased. Also, varraqs (paper sellers) were gathered in the marketplace to exchange ideas about new books, and students also took an active part in these discussions. The scholars who were well-known as paper-makers, such as the paper-producers (Kagiziy) and related subsidiaries, that is, hazzam (workers wrapping paper) are listed.*

Keywords: *Paper, fatwas, hazzam, sahih, Konigil*

It is well known from ancient times that humans have used writing to communicate with each other and to exchange information. Inscriptions were written on a variety of items, such as rocks, bones, and pottery. As a result of the human need for writing, people invented various things to write, which eventually led to the invention of the paper. Before the production of paper started, papyrus had been produced since the 4th century. In the Nile delta, papyrus grows enormously. The method of its production has been passed from ancient sources. The antique papyrus pieces have scarcely reached our times. The oldest of them are the works of Aristotle in the 4th century, and a letter from Hyperiid.

Pergamum had been used from the 2nd another material, which can replace papyrus was developed. Claudius Ptolemy banned the export of papyrus from Egypt. At that time a large library was established in Pergamum¹. The library needed papyrus sheets. But because of the conflict between Egypt and Pergamum, library activity was under the pressure of an attack. Hopeless Pergamum artisans invented skin that replaced papyrus. They made a sturdy cloth to write on and off both sides to the skin of calves. It is called "Pergamon" in Greek and "membrane" in Roman. Pergamum had been used from the 2nd century to the 16th century AD. The most expensive parchment was semi-transparent one, made of unborn calf skin. This skin was called "The Virgin's Skin," and valuable books were copied on it.

Years later, paper production was well established. The first paper samples were discovered in 1957 in a cave in northern China. Studies have shown that these pieces of paper were produced more than 2000 years ago. Until then, the creation of paper was attributed to Tsai Lun, who lived in 105 years of AD. Beruni reports that in China, paper was made mainly by using water to process hemp and hemp rind.

The secrets of paper production spread in Samarkand, and to the whole world through Samarkand through those who were captured in the war between Arabs and Chinese in The Talos Valley in July 751[3:289; 6:218; 12:273]. Samarkand paper occupied the eastern and Western markets from that time until the end of the Middle Ages. From the VIII century to the XIX century not only in Central Asia, but also in the Middle East, Europe, Spain, France, Germany this paper was used in writing. There were different varieties of Samarkand paper.

According to researcher A. Hakimov, mainly Mulberry and bamboo were used in the preparation of paper in China. Various pieces of fabric served as the main material of Samarkand paper. This information is also found in Ibn Nadim's work "Fihrist", the author mentioned that, unlike Chinese paper, there were various disagreements about the date of origin of this paper, regarding its type; some said it was made with the addition of a cloth (in his opinion, some said that this method originated in the Umayyad period, some said the Abbasid period). Samarkand paper-makers produced smooth, hard (thorough) and less ink-leaving paper. For 5 centuries in Samarkand, the technology of paper production was kept secret. In 794, during the reign of Horun ar-Rashid, a paper factory was opened in Baghdad. Several types of paper that were popular at that time, including "Solomon", "Noah" (the Bukharian developed this type of paper, which was attributed to Noah Ibn Nasrani), "Ja'fari", "Tahiri", "Farhuni" and others, were listed [4:23]. In addition, the paper "Samarkand

¹ The state of the Hellenes. It was located in northwestern Asia Minor. The capital of it was Pergamum during 281-133

Sultan paper” (it was distinguished from other types by its whiteness, softness and elasticity), *“Samarkand silk paper”* (it was also soft and velvety. But the color was light yellow),” Mir *Ibrahimi*” (with signs of a white round shape (water),” *Nimkanop paper* ” (mixed with the remains of silk, and rind coating. of brown color).

During the reign of Amir Temur, paper production was the main branch of craftsmanship. In the XV centuries, the cities of Samarkand and Bukhara were the largest centers of the paper industry of that period. From the papers of this period, *“abrashemi paper”* (it was made from only silk salmon, without the addition of any cotton fibers, it was fluffy, very beautiful, with quality lime, it was clean and smooth) and *“paper nimkatuni”* (it was semi-silky, and made from a mixture of about fifty percent of silk and hemp fiber. This paper was crumbly, thick and well-groomed). In addition, in Kokand, paper types with the name *“jaydari”*, *“nim kanobi”* were developed, but their quality was not good.

On both sides of the paper, the so-called glue made of wheat flour (lime) was applied thinly and, after drying in the shade, the tooth made of agate, or the seal was applied. In order to make the paper shiny, it was polished seven times. This paper was called *“ohor (lime) sealed”*. If the writer made a mistake when writing, it was possible to wash the letter with water through a soft cloud and dry it, apply a little starch and could use it again after drying. From this paper, special paper called *“haftrang* “and” *Abri bahor*” papers were also processed to put them on the inner side of the cover which were used when copying manuscripts.

At the beginning of the XVIII century around Samarkand and its environs, there were 42 paper production enterprises. As a result of the mutual struggle of the rulers of Bukhara and Samarkand, economic degradation occurred in the region, the quality of paper production also decreased. The craftsmen moved to the villages of Kokand, Kogozgar and Chorku. Thus, the center of paper production had moved to Kokand. Until the beginning of the XX century, craftsmen produced paper. By the end of the XIX and beginning of the XX century, the production of paper was stopped in Samarkand, Bukhara and Kokand. That is, it stopped in 1924. And in the village of Chorku, paper was being produced until 1930 but it was without lime.

Scientists who lived in different periods highly appreciated the Samarkand paper and gave it different definitions. Below are the same definitions, as well as tales about the veneration of paper from ancient times, about people working in this field:

Makdisiy, who lived in the X centuries, described:” Khorezm bow, Shosh dishes, Samarkand paper did not have a competitor”. Abu Mansur Saolibiy also described the Samarkand paper as being better than Egypt. Sultan Ali Mashhadi recommended to write only on Samarkand paper. Later, Vamberi also acknowledged: “the paper produced in Bukhara and Samarkand is used throughout Turkistan and in all famous cities.”

Najmiddin Umar Nasafi, in his book *“Kitabu-L-Qand”*, wrote that the presence of a paper market in Samarkand in the IX century; one of the muhaddis Abu Suleiman David Marvazi (WAF. 281/895 y.) mentioned that he was acting as a broker in the paper market [5: 14]. He had also written valuable information about Abu Muhammad Abdullah ibn Muhammad ibn Nasr Razi Varroq, Abu Ali Ismail Ibn Yahya Varroq, Samarkand and many other paper production and trade scientists [2: 321].

Students also took an active part in these scientific discussions. One such market was operating in Bukhara. Among the Bukhara paper-makers were the historian Abu Abdullah Muhammad ibn Ahmad Ghunjar, the Muhammad Dallal store, Kamil Ibn Mecca ibn Muhammad ibn Vardon, Ahmad ibn Shuaib Ibn Saleh, Muhammad ibn Yahya ibn Abdullah ibn Dinar and Muhammad ibn Yahya Ibn Nazr Ibn Muawis, which are close to the House of Faqih Saleh Jazra[10: 337].

As for Abdulkarim Sam'ani, along with the employees of the auxiliary sector associated with the production of paper in Samarkand, who were called the hazzom (workers wrapping paper), give information about Abu Ahmad Muhammad ibn Ahmad ibn Ali Ibn Hasan Hazzom Marvazi ¹was one of the well-known people in this field. The source also provided information about Ibn Hoshim Kagozi Samarkand, known by the pen-name of “Kogoz” (Kagizi), who died in 259/873[7:34; 83]. Khatib Bagdadi (died in 463/1070) in the work *“Tarikhi Baghdadi* ” mentioned about Muhammad ibn Abdullah ibn Muhammad ibn Ja'far Kagizi [1:32-33, 101].

The need for paper from ancient times was the reason for its dearness. We can even witness the existence of various narratives in the Fiqh sources about not wasting paper. In particular, in the work *“Saloti Mas'udiy”*, created in the XIV century, the following narration is given: *“Hayrushu-L-*

¹ He was originally from Marv and lived for a while in Samarkand and then spent the last days of his life in Isfijob.

fuqaho andlatlatu-L-fuzalo" Khoja Abu Hafis Kabir Bukhari said: «I never walked through the paper market without ablution» [8: 153. 21-23-lines].

Also in another part of «hayrat-uL-fuqaho», the following narration is mentioned from Imam Abu Hanifa: "do not go to the place where the paper will be sold if you are unclean. This is the glorification of Islam. This was equal to wasting and humiliating paper" [11: 98B V.].

The wrapping of paper also caused an increase in its value. Ahmad ibn qoj Varroq (IX-X) bought paper for all of the norms of 800 or 700 dinars and wrote a Hadith to him over the years, while Abu Ali ibn Shihab saw a profit of 1025 dirhams from the paper itself, that is, he bought paper for 5 dirhams and sold it from 200-150 dirhams by writing to him If we compare the price of paper at that time with other prices, we can see that soldiers of Asad ibn Abdullah received a salary of 118/736 dirham in 20 years, and artisans who received a good income had a salary of 10-15 dirhams in the month, as indicated in the foundation documents of Abraham Tamgochhan, the alimony of madrasah students was 30 dirhams, Readily, it was possible to buy 2-3 pieces of paper for a month's salary of a craftsman. For this reason, as mentioned above, the Fiqh sources have given instructions on how not to waste paper and appreciate it. There was even a legend that Khorezmi joked to his friend that he did not write a letter, saying that he lived far from Samarkand and that the paper for him was incredibly valuable, and praised his friend.

Paper production in Samarkand continues to this day. Papers produced in the village of "Konigil" of Samarkand attract the attention of foreign guests. Samarkand craftsmen are carrying out scientific research in order to restore the fame of their ancient paper and prepare various gift items from ancient raw materials here [9].

Proceeding from the above information, we can conclude that the Samarkand paper achieved upper hand over the Egyptian papyrus in the market, where the technology of paper production for 5 centuries was kept as secret. Many types of paper have been discovered. The fact that in most cities of Movarounnahr there were paper stalls, even separate paper markets, as well as various sectors of paper production, which proves the wide development of this sphere. Samarkand paper has not lost its relevance until now.

REFERENCES

1. Abu Bakr Ahmad ibn Ali Khatib Baghdadi History of Baghdad. - Beirut: Doru-l-lal al-Almiyya, 2011. J. X. - B. 32-33, 101; J IV. - p. 425., J. VII. 339-340.
2. Abu Hafis Umar ibn Muhammad Nasafi. Al-Kand fi Zikri is under the editorship of the Samarkand / Yusuf Hadi. - Tehran: Oyinai Heritage, 1420/1999.
3. Belenitsky AM, Bentovich IV, Bolshakov O.G. Middle Ages Central Asian Cities- Leningrad: Nauka, 1973. - p. 289. - p. 305-306.
4. Muhammad ibn Isaac Nadim. Booku-l-Fihrist. Edited by Riza Ibn Ali Zaynul Obidin Hadii Mozandarani. - Tehran: 1971. J. I.
5. Najmuddin Umar ibn Muhammad ibn Ahmad Nasafi. The Al-Qandah Zikri Scholars Samarkand. - T. : National Encyclopedia of Uzbekistan, 2001.
6. Sa'olibi. Latoifu-l-ma'rif. - Cairo: 1960.
7. Samani. Ans. J II. - B. 34, J. IV. - B. 83.
8. Salat Masoodi. Treasury of resources. Turtle. No.175.
9. Z. Turakulov Correspondent of "Adolat". <http://www.gglit.uz/>. 05.11.2012.
10. Ihsan Zunun Abdullatif Somiri. At-histu-l-Hadari Limadinat Bukhara. (94-389 / 712-999). - Jordan: 1997.
11. Hayratu-l-Fuqaha. Personal library. The manuscript.
12. Hill D.R. Civil and hydraulic engineering Physics and mechanics Industrial processes and manufacturing, and craft activities. - UNESCO Publishing. 2000.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИЗУЧЕНИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КНР СО СТРАНАМИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Хань Юй, Белорусский государственный университет; студентка; аспирант; Беларусь

Abstract. *The article presents the author's view on the political and socio-economic factors that in the course of the historical development of China had an impact on international relations. Historical science in this context is the basis of scientific research and critical-constructivist tool for assessing historical facts. The story gives a fragmented phenomenon of the relationship, pointing to their substantial significance. Scenarios and forecasts of development of international relations developed by scientists, on the basis of historical analysis of social and political events, allow to "sift" and systematize empirical research material. Declaring the General scientific views of historians, the author points to several possible scenarios for the development of China's relations with the countries of the Korean Peninsula. Identification of specific causes of historical events allows us to understand their nature and in certain cases, gives answers to the question of how to manage them.*

Keywords: *international relations, history of China, social achievements, politics*

Введение. Международные отношения и история неразрывно связаны, и не без оснований. Эта связь имеет многовековую историю. Полезность истории для анализа международных отношений с незапамятных времен считалась само собой разумеющейся. История, как соглашаются ученые, предлагает три вещи исследователям международных отношений: 1) готовый источник примеров и опыта, 2) возможность углубить теоретические идеи и прогнозы и 3) историческое сознание, то есть понимание исторического контекста человеческого существования и соответствующую способность формировать разумное суждение о цивилизационном развитии. Эта традиция продолжалась и после того, как международные отношения прочно утвердились в качестве признанной отдельной дисциплины спустя некоторое время после Второй Мировой Войны, и оставалась практически неизменной до 1960-х годов.

С 1960-х годов отношение к истории в международном сообществе изменилось. Некоторые подходы, особенно английская школа и мировой системный анализ, почти по определению базируются на истории. История играет фундаментальную роль в критико-конструктивистском подходе, в то время как реалистические ученые продолжают регулярно обращаться к истории.

Подъем КНР сегодня обеспечивает критический случай для теорий, таких как теория перехода власти и наступательный реализм, которые предсказывают наступление определенных исторических событий. Эта статья демонстрирует значение исторической науки, позволяющей на основе анализа фактических событий прогнозировать динамизм и остроту конфликта в Тихоокеанском регионе.

Результаты исследования.

Появление Китая в качестве экономической и политической державы является одним из самых замечательных глобальных событий второй половины XX века. В настоящее время неоспоримо, что Китай стал экономическим и политическим гигантом, который может даже получить большее глобальное влияние в течение XXI века. Это растущее влияние становится особенно очевидным, когда мы обращаемся к истории и анализируем вклад и рост участия Китая в глобальном управлении и международных отношениях.

Ученые в области международных отношений расходятся во мнениях о растущем потенциале Китая в вооруженном конфликте со странами Корейского полуострова. Ученые, которые изучают подъем Китая через теории перехода власти, либо наступательного реализма часто предсказывают насильственное будущее отношений Китая со странами Корейского полуострова из-за преимуществ, которые он мог бы захватить через военный конфликт [1; 2]. Ученые, которые, напротив, подчеркивают влияние экономической взаимозависимости Китая в международной системе, приходят к более оптимистичным выводам, отмечая высокие издержки, которые Китай заплатит за агрессию в глобализованном и взаимозависимом мире в случае развязывания военного конфликта [5; 6].

Напористость внешней политики Китая представляет собой политический выбор, который следует понимать в более широком контексте его внешних отношений. При этом

Появление Китая в международных отношениях и использование своей власти и влияния остаются неопределенными. С одной стороны, внешняя политика и внешние отношения Китая остаются неопределенными, поскольку они обусловлены китайской способностью реагировать на свои основные внутренние вызовы. С другой стороны, неопределенность также связана с отсутствием «большой стратегии», которая определяет внешнюю политику Китая во всех географических и тематических областях. В частности, внешняя политика Китая исторически вызывает четыре внешнеполитические дилеммы:

- 1) поиск достижения баланса между большей напористостью и усилением своей мягкой силы;
- 2) поиск баланса между содействием или обходом существующих механизмов глобального управления и международных организаций;
- 3) выбор между решением своих внешнеполитических проблем через двусторонние или многосторонние каналы;
- 4) стратегическое осмысление масштабов ее растущей мощи и ее статуса в качестве региональной или глобальной власти.

Эта сложная взаимозависимость ставит отношения с Китаем в центр внешнеполитических приоритетов государств по всему миру. Этот акцент «на Китае» особенно очевиден в Соединенных штатах. Китай также занимает высокое место во внешнеполитических приоритетах своих близких соседей в Азии и другими развивающимися странами (например, Бразилия, Россия, Индия и Южная Африка).

Учеными-историками и экспертами сделаны прагматические оценки, основанные на сочетании внутренних и геополитических соображений управляющих элит, что объясняет иногда противоречивую китайскую внешнюю политику. Этот прагматизм оправдывается, поскольку цели китайской внешней политики колеблются между видениями китайской дипломатии как «чрезвычайно пассивной» для государства с его уровнем влияния к дипломатии, стремящейся восстановить своего исторического господство и развитие сферы влияния на других территориях.

Потенциальные выгоды территориальной экспансии и способности Китая захватить территориальные преимущества с помощью силы видятся небольшими.

Во-первых, Китай может также применять силу по причинам, не связанным с территориальным контролем. Как отмечается историками, хотя территориальный конфликт был ведущим вопросом перед государствами, которые пошли на войну в прошлом. На пример, в Южно-китайском и Восточно-китайском морях территориальные споры по поводу оспариваемых островов и требованиях о делимитации морских границ частично совпадают с представлениями о крупных месторождениях нефти и природного газа. Более того, эти воды относятся к Китаю как «исторические», и представляются учеными традиционно китайскими. Поэтому военно-морское присутствие Китая в этих водах увеличится, но Китай не сможет контролировать доступ других военно-морских сил [4]. Это только один из нескольких потенциальных источников конфликтов в Тихоокеанском регионе. Другие потенциальные пути возникновения конфликтов включают в себя такие вопросы, как установление сфер влияния, соображения статуса и престижа в международной системе, или конкурентные гонки вооружений. Тем не менее, будущий конфликт по одной важной причине, усиления влияния Китая на Корейском полуострове, маловероятен.

Во-вторых, предположение о рациональности, используемое в теории неформальной ожидаемой полезности может не полностью или точно отражать то, как лидеры КНР рассматривают потенциальные выгоды от расширения или оценки военного потенциала Китая [3]. Психологические или перцептивные факторы могут привести к тому, что китайские элиты увидят большую выгоду в усилении власти на международном уровне. Тем не менее, ожидаемая полезность обеспечивает основу исследования ситуации, когда эти другие факторы могут стать более значимыми в перспективе. Изучение перспектив Китая в отношении будущего развития конфликта на Корейском полуострове открывает еще один плодотворный путь для будущих исследований, где Китай может стать основным сдерживающим элементом и наблюдателем протекания исторических событий, а, возможно, и их создателем.

Наступление тех или иных событий, их оценку и направленность, в перспективе опишут ученые и политологи, создавая новые прогнозы и сценарии развития международных отношений Китая. Кроме того, история позволяет выявить причинно-следственные связи и оценить устойчивость или хаотичность возникаемых явлений. Крупнейшие события в мире, такие как Мировые войны, глобальные кризисы, интеграционные процессы в исторической

науке могут быть представлены различными контртенденциями. При этом история по-прежнему, выполняет свои основные функции – объяснение особенностей исторического явления (факта, события) и прогнозирования его будущей эволюции.

Выводы. Историческая наука выступает основой изучения динамизма международных отношений и позволяет ученым и специалистам прогнозировать сценарии их развития. В контексте изучения ключевых исторических факторов, характеризующих усиление роли КНР в формировании добрососедских отношений со странами Корейского полуострова, следует выделить следующие современные тенденции:

1) Китай усилил свое политическое влияние на международном уровне, в первую очередь, за счет экономической экспансии и ориентации захвата рынков развитых стран (США, Германия, Великобритания, Канада и т.д.). Долгое время Китай воспринимался в роли «промышленной площадки» и многие аналитики прогнозировали провал такой экономической модели. Однако, кризис 2008 г. и дальнейшая перестройка социально-экономической модели Китая, позволило ему успешно решать свои экономические и политические проблемы;

2) выстраивание тесных экономических связей КНР со странами Корейского полуострова, которое началось еще во второй половине XIX в. обусловило необходимость формирования прочного диалога между Южной и Северной Кореей по инициативе Китая. Данная инициатива указывает на общую внешнеполитическую стратегию Китая – сохранить влияние в данном регионе (в противовес политики США) через экономическое и политическое давление;

3) закономерные тенденции и развитие отношений в ближайшей перспективе, скорее всего, будет основываться на основе выстраивания общих фактических событий. Именно поэтому у Китая до сих пор нет «большой стратегии» развития внешней политики в Тихоокеанском регионе. Прагматичные китайцы стремятся решать проблемы «по факту» их возникновения, не апеллируя действующими международными договорными обязательствами, которые как свидетельствует международная практика, быстро нарушаются в рамках интересов глобальных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Levy, Jack S. (2008) Power Transition Theory and the Rise of China. In *China's Ascent: Power, Security, and the Future of International Politics*, edited by Robert S. Ross and Zhu Feng, pp. 11–33.
2. Miller, Alice Lyman. (2008) China's New Party Leadership. *China Leadership Monitor* 23: 1–10.
3. Ren, Xiaofeng, and Cheng Xizhong. (2005) A Chinese Perspective. *Marine Policy* 29: 139–146.
4. Zacher, Mark W. (2001) The Territorial Integrity Norm: International Boundaries and the Use of Force. *International Organization* 55: 215–250.
5. Zhao, Suisheng. (2004) Chinese Nationalism and Pragmatic Foreign Policy Behavior. In *Chinese Foreign Policy: Pragmatism and Strategic Behavior*, edited by Suisheng Zhao, pp. 66–90.
6. Zhu, Feng. (2008) China's Rise Will Be Peaceful: How Unipolarity Matters. In *China's Ascent: Power, Security, and the Future of International Politics*, edited by Robert S. Ross and Zhu Feng, pp. 34–54.

**Proceedings of the
XVII International Scientific and
Practical Conference
Social and Economic Aspects of Education in
Modern Society**

(Vol.1, September 25, 2019, Warsaw, Poland)

MULTIDISCIPLINARY SCIENTIFIC EDITION

Indexed by:

Passed for printing 20.09.2019. Appearance 25.09.2019.
Typeface Times New Roman.
Circulation 300 copies.
RS Global S. z O.O., Warsaw, Poland, 2019